

ЛЕНА СОКОЛ

Влюбляться
лучше всего
под музыку

Лена Сокол
**Влюбляться лучше
всего под музыку**
Серия «Молодежная серия», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37401952*

Аннотация

**Книга доступна эксклюзивно в [ЛитРес: Абонементе](#).
Выберите [тариф](#), чтобы получить доступ к книге.**

У Ани и Паши не было конфетно-букетного периода со смущенными взглядами и робким ухаживанием. Начинаящий музыкант и озорная оторва нырнули в свои отношения, как в омут с головой. Осознание пришло позже. Кто они друг другу, что чувствуют? И что делать, если впереди разлука, и разделить их спешит не только расстояние, но и новые соблазны в виде очаровательной коллеги Паши по имени Леся, а также талантливого певца Джона Н. – кумира миллионов, с которым предстоит познакомиться Ане? Будет сложно. Будет трудно. Будет весело.

Содержание

Аня	4
Паша	19
Аня	24
Паша	27
Анна	32
Паша	36
Аня	46
Паша	55
Аня	63
Паша	69
Аня	73
Паша	79
Аня	85
Паша	95
Аня	107
Паша	111
Аня	123
Паша	131
Аня	135
Паша	138
Аня	143
Паша	146
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Лена Сокол

Влюбляться лучше всего под музыку

Посвящается моим читателям.

Всем, кто верил в историю «Заставь меня влюбиться» и сделал ее бестселлером. Если бы не вы, эта книга никогда не получила бы продолжения.

*Внимание! Не все герои произведения являются вымышленными, поэтому любые производимые ими действия призываю считать большим воображением автора
(Sorry, John).*

Аня

Как вы думаете, какие люди обычно сходятся? Не в плане романтики, я про друзей. Замечали ли вы когда-нибудь, что в дружеском девчачьем дуэте или трио всегда найдется оторва? Кто это: вы или ваша подруга?

Всегда один лидер, другой – ведомый, и каждого устраивает его роль, иначе союз не получился бы крепким. Вместе вы готовы свернуть горы, взорвать ночной клуб или зажечь голышом в фонтане. И неважно, чем вы занимаетесь – вы

делаете это лучше всех, и вам всегда есть, что вспомнить.

Узнали себя?

Так вот.

Раньше я была обычной тихой девочкой. Мама строго следила за моей успеваемостью, заставляла по утрам съедать пюре с котлетой (мой чемпионский завтрак) и заплетала тугие косы в школу. Мне не разрешалось гулять среди недели, только по выходным, да и то – до десяти вечера. А потом я поступила в Институт и... немного расслабилась. Ну, самую малость.

Короче, птичка вылетела на свободу!

И вот она – я, такая, какой вы меня теперь видите. Мне двадцать лет, мною перепробованы все известные миру диеты и окраски волос, я гордо ношу звание официантки и понятия не имею, сколько у меня там хвостов по учебе – шесть или тридцать шесть. Как меня еще не выперли? Или выперли? А черт его знает, все равно не знаю, кем хочу стать.

Но продолжаю улыбаться – похоже, это моя фишка.

Со мной сегодня Маша – моя лучшая подруга.

Вообще, я хорошо схожусь с людьми, и у меня полно друзей: и в Институте, несмотря на то, что редко там бываю, и в кафе, где работаю, и во дворе дома, где живу. Но посвящаю в свои тайные тайны и делюсь сокровенным только с Машей Суриковой, ей одной я могу доверять полностью.

Мы познакомились всего два года назад в кафе «Кофей-

ный кот», куда пришли почти одновременно: я в «принеси-подай», она в холодный цех – это то же самое «принеси-подай», только на кухне. Девчонка сразу мне понравилась: видно, что умная, веселая, но почему-то закомплексованная. Интуиция тогда шепнула мне, что я могу ей пригодиться, мы разговорилась, и вуаля – с тех пор не разлей вода.

Сразу выяснилось, что у Машки по жизни проблем хватает: росла без отца (в этом мы с ней сестры по несчастью), в универе ни с кем не общается и полностью потеряла веру в себя. Я сразу почуяла – тут без меня не обойтись: подруга станет моим объектом для причинения добра. Но одним добром не обошлось. Я бросила все силы на то, чтобы ее растормозить, вернуть ей вкус к жизни, но как говорится: если в вашей паре две хорошие девочки, выход один – одна из них должна взять на себя роль плохой. Ею стала я.

Выкурить сигаретку-другую возле черного хода, пока посетители ждут, когда их обслужат, пить алкоголь, орать песни и играть в компьютерные игры после закрытия кафе, а на следующий день всю смену смачно зевать. Спустить всю зарплату на новые шмотки, а потом месяц голодать, творить безумства и ни о чем не жалеть. Этому всему подруга научилась от меня.

Нет, я не хвастаю. Понимаю, какое впечатление у вас обо мне создалось, но отчасти это правда.

Однажды я поймала себя на мысли, что перебираю парней одного за другим в попытке почувствовать хоть к ко-

му-то из них что-то серьезное, но никак не получается. Вполне возможно, среди них просто не было *того самого*, или мне в принципе не дано было полюбить по-настоящему. В общем... Я что-то искала и до сих пор не находила. Может, не там искала, или не то?

– Так пойдем же и уделаем их всех! – Подмигиваю я подруге, когда такси отъезжает, и, виляя бедрами, направляюсь к дверям в дом.

Перед нами настоящий замок: богатый особняк, отделанный натуральным камнем. С двух сторон от него ровный газон, декоративные карликовые деревья и ухоженные клумбы. Мы подходим ближе, и массивная дверь открывается перед нами.

– Уау, – выдыхаю я, поправляя короткий топ, и одергиваю облегающую бедра белую юбку.

Нас моментально накрывает волной громкой музыки, и это мне нравится. «Да, детка, похоже, сегодня будет весело!» – поправляю волосы и выискиваю глазами жертву.

– Привет! – Едва только мы входим внутрь, подлетает к нам незнакомый парень.

– Приве-е-ет, – говорю, намеренно растягивая гласные.

Скидываю плащ и швыряю ему в руки. Он должен с ходу понять, что явилась королева этой вечеринки.

– Аа... – блеет парень, оглядывая Машку с головы до ног. Пока он это делает, пользуюсь моментом и оцениваю его са-

мого: узкие плечи, широкие бедра, свежие хлопья перхоти на самой макушке. «Нет, любитель гамбургеров, ты – герой не моего романа».

– Кажется, – бормочет он, заикаясь, – я тебя знаю? Ты...

Капкан захлопнулся, эффект достигнут. Маша, серая мышка, которую никто не замечал в универе, приделась в дорогое платье, распустила волосы и – готово! Все парни сворачивают шеи, ругая самих себя за то, что не замечали прежде ее красоты.

«Вам не светит, недоноски». Девочка пришла сюда забрать свое, а именно – Диму. Хозяина этого роскошного дома, парня, который первым смог разглядеть в этом не ограниченном алмазе настоящий бриллиант.

– Маша, – краснеет она, протягивая парнишке свой кардиган.

Мне хочется сказать: «Смелее! Ты достойна этого всего! Чувствуй себя, как дома», но сдерживаюсь и, скользя глазами по просторной гостиной, выдаю:

– Пустовато как-то...

– Все там, дальше, – парень указывает рукой в коридор и жестом подзывает своего друга. – Хотите выпить?

С дивана поднимается непричесанная помесь кинг-конга и пришельца Альфа. «Нужно делать ноги». Но к нашему счастью из-за поворота вдруг появляется хозяин дома:

– Эй, нет, – говорит Дима, заставляя здоровяка усесться обратно. Он идет к нам твердой походкой уверенного в се-

бе человека. Высокий, красивый. – Женька, это мои гости. Спасибо, что встретил! – Дима обнимает нас обеих и вдруг замирает, глядя на Машу. – You're gorgeous, чудесно выглядишь!

«Неужели, кто-то однажды будет так смотреть и на меня?» Я таю, глядя на них. Эта парочка буквально тонет в глазах друг друга, а электричество между ними трещит так громко, что мне закладывает уши.

Хочется немедленно сказать подруге, чтобы она забыла все, что я ей сказала утром про этого парня. Про осторожность, про недоверие, про глупое «обожжешься». Черт, в этом костре не нужно бояться обжечься, в нем нужно гореть адским огнем, забывая себя!

– И ты тоже, Аня, – смущенно произносит Дима, не отрывая от Машки глаз.

Его татуированные руки касаются ее плеч, и подруга буквально плавает.

– Спасибо, – хихикаю я, глядя на них.

Когда любишь, быть мудрым невозможно – запреты только раззадоривают. А от этих двоих просто разит любовью. Аж за километр.

– Идем! – Дима идет в направлении звука и увлекает нас за собой.

В коридоре темно. Иду за ними с Машкой уверенной походкой и наблюдаю со спины, как подруга прикладывает все

усилия, чтобы не свалиться с каблуков. Нужно было еще немного с ней потренироваться. Хотя, ничего страшного: сейчас все выпьют, расслабятся, и можно будет зашвырнуть ее неудобные лодочки хоть на люстру.

Ух... Перед нами огромное помещение, оформленное в стиле модерн. Диванчики, барная стойка, круглый пуфик-стол, обтянутый кожей, темные обои и плотные шторы. Все это расцвечено огнями светомузыки и наполнено людьми.

«Ребята, а мне это нравится! Ого, а это что? Танцпол и сцена с музыкальными инструментами? Боже, да кто-то желает испортить нам вечер диких танцев выбиванием пыли из старых барабанов и гитар? Да уж...»

– Закуски в баре, выпивка там же и в холодильнике. – Дима перехватывает у какого-то паренька два бокала с шампанским, подмигивает и передает нам. – Маш, – шепчет подруге на ухо, – оставайтесь здесь, хорошо? Я скоро вернусь, дождись меня.

– Расслабься, – толкаю в бок подругу, а ей словно кол забили меж лопаток: стоит Диме отлучиться, как она снова теряет уверенность в себе.

Я делаю глоток шампанского и ловлю на себе ее испуганный взгляд. Ясно: девчонка паникует. Беру ее за руку и подвожу к окну, где через стекло можно наблюдать, как небольшие компании тусуются во дворе возле бассейна под светом

фонарей.

– Ты кого-нибудь знаешь? – Я скольжу взглядом по крепким мужским фигурам.

– Я... – Машка щурится, пытаюсь разглядеть их лица. – Если не всех, то многих. Здесь, кажется, весь наш поток.

Мимо проходит незнакомый высокий парень с хвостиком. В его руке саксофон. Он приподнимает бровь, бросая игривый взгляд в вырез моего топика.

– Интересно, – говорит подруга, заметив у него музыкальный инструмент.

– Да, нормальная задница. – Соглашаюсь, провожая его взглядом.

– Боже! – Морщится Машка, оборачиваясь. – Аня, я не об этом!

– Да ладно, – хихикаю я, – все свои.

– Ага. Ты вообще-то встречаешься с моим братом! – Напоминает она. – Или нет?

Ну-у-у... Сильно сказано, встречаюсь. Пашка прикольный. А еще отморозенный на всю башку – как я.

Мне трудно воспринимать все это всерьез. Дело было неделю назад после клуба, и мы были не совсем трезвы. Дима, чтобы свести нас, придумал тот идиотский спор: я загадываю желание, а Пашка исполняет его и в награду получает мой поцелуй. В тот момент все происходящее казалось абсурдным, но ужасно веселым. Разумеется, я не стала его жа-

леть: потребовала, чтобы Павлик сделал себе пирсинг соска и носа! Мы хохотали как безумные, а он взял и... согласился.

И вот представьте, парень прокалывает свой сосок и вешает в нос колечко, чтобы я его поцеловала – мне, безусловно, было приятно, но неужели это, правда, можно назвать любовью? Или считать основанием для начала хоть сколько-нибудь серьезных отношений? Не удивительно, что я сомневалась.

– Я еще думаю, – произношу отстраненно, маленькими глотками отпивая шампанское.

Классная задница с саксофоном скрывается в толпе.

– Неделя уже прошла, хватит думать. – Иногда Сурикова бывает настойчива. – Не мучай парня.

– Беспokoишься за родственничка? – Усмехаюсь я.

Павлик – Машкин брат-близнец, точнее двойняшка.

– Очень, – сдвигает брови она.

Чувствую себя загнанной в ловушку.

– Учту этот фактор, как маловажный и не способный повлиять на принятие окончательного решения.

Подруга закашливается:

– Коварная ты женщина!

– Роковая. – Ставлю свой бокал на подоконник. – Пойду, разнюхаю, что там подают. – И направляюсь к бару.

Иду и замечаю на себе взгляды. Не могу не обращать вни-

мания на мужчин. Похоже, у меня какая-то нездоровая потребность флиртовать, заигрывать и ощущать заинтересованность в себе. Вроде наклюнулись отношения с хорошим парнем, но... А что но? Я и сама не знаю. Нас влечет друг к другу, и это ясно, как белый день, но мы не целовались, не держались за руки, даже не общались нормально.

Уже прошла неделя с того самого спора. Все это время Пашка носил в носу то дурацкое колечко. Он ждет, что я его поцелую, и это будет означать, что мы вместе. Но... как-то это по-дурацки, что ли. Разве люди встречаются друг с другом из-за спора?

Все окружающие только и делают то, что ищут «что-то настоящее», серьезное и навсегда. И я тоже хочу. А он – брат моей подруги. Красивый вариант «поматросить и бросить» с ним не прокатит, Машка меня не простит. И от этих мыслей мне становится еще тяжелее.

Через пятнадцать минут мы с подругой пританцовываем у стены, не решаясь занять пустующую середину танцпола. Тарталетки с икрой залетают в меня, точно вражеские пули, приводя в исполнение приговор моей диете. Я полирую их шампанским, чувствуя приятное покалывание в груди, и раздумываю, чем бы таким приправить эту тухлую вечеринку. Нырнуть в бассейн? Или подраться? Шутка. Для этого я еще недостаточно выпила.

– Он бросил нас, – Машка отворачивается к окну.

Похоже, готова разреветься. У них с Димой и так непростой период: вчера она узнала от него о его зависимостях и прошлой жизни в Америке. Переварила все это и решила поверить, что он завязал со всем этим навсегда.

– Не, – толкая ее, указываю на импровизированную сцену.

Светомузыка прекращает мельтешение, звуки из динамиков становятся тише. Подошедший лысый паренек не спеша проверяет аппаратуру и знаком просит поддержать музыкантов.

В этот момент мне становится интереснее.

Ловко подскочив к ударной установке, Дима падает на стул и берет палочки. Парень с хвостиком (да-да, тот самый) встает с другой стороны и поднимает саксофон, еще один незнакомый нам парнишка обхватывает руками электрогитару.

Под дружное улюлюканье и аплодисменты через несколько секунд на сцену поднимается еще один участник. Среднего роста, в клетчатой рубашке и джинсах, с блестящей гитарой, висящей на груди. Я лениво зеваю, а мягкий свет скользит вверх, касаясь его коротко стриженных волос и... маленького колечка в носу.

Чего-о?!

Солист устанавливает микрофон на нужный уровень и слегка прикрывает глаза, словно собираясь с мыслями. В моем сознании происходит взрыв. *Это он.* Паша! Только без своих забавных кудряшек, свисавших мягкими каштановы-

ми спиральками на лицо. Какого черта он вцепился в микрофон? «Да ла-а-а-адно!!!»

– Постригся... – Задыхаясь, мычу я.

Ставлю бокал на подоконник, хватаю растерянную Машку и тащу сквозь толпу ближе к сцене. Глаза все еще отказываются верить в увиденное.

Подруга послушно плетется за мной, пока я расталкиваю людей локтями, как танк, продвигаясь вперед. В зале стоит тишина. Все притихли и ждут, не слышно даже удивленных шепотков.

Песня начинается внезапно – с неспешного и мягкого барабанного ритма. Это заставляет меня остановиться и застыть на месте. Остается только музыка.

К этому моменту мы уже стоим в трех шагах от сцены и перестаем дышать. Тогда к едва слышному ритму ударных присоединяются клавишные. И буквально с первых нот мелодии Пашка, крепко обхвативший рукой микрофон, открывает глаза и поет, неспешно и мелодично:

*Где-то там, в синеве. Вдруг затих птичий гам.
Снова, словно с ножом в спине, город ляжет к твоим ногам.
Тем, кто видел хоть раз, не сорваться с крючка.
Отпусти ты на волю нас, что ж ты делаешь, Анечка...¹*

¹ Uma2rman – Бестия.

Во время двухсекундного проигрыша ударных я пытаюсь хватать ртом воздух. Выходит плохо: легкие горят огнем. Не верю, что это происходит со мной. Что это происходит сейчас.

Темнота танцпола сменяется для меня светом яркого солнца, вечер уступает место ласковому утру. Я стою на месте, но мое тело летит куда-то ввысь, и не в моих силах его остановить. Я просто смотрю. И слушаю. Больше не слышу слов. Гляжу в его глаза. Радужки у него темнее, чем зрачки. Взгляд глубокий, и он затягивает меня, прокручивает в вихре непонятных чувств и не отпускает.

Пашка набирает воздуха и продолжает уже громче:

Белокурая бестия!

Пропадаю без вести я...

Помогите же, кто-нибудь!

С нежным взглядом сапфировым.

Ни один не уйдет живым.

Такую попробуй, забудь.

Такую попробуй, забудь.

Он все это спланировал, приготовил специально для меня.

Рядом танцуют пары. Девчонки визжат и не отрывают глаз от исполнителя, тянут к нему руки. Для всех сейчас словно зажглась новая звезда. А для меня... Я до сих пор не пони-

маю, что чувствую. Мне страшно. И хочется убежать – подальше от себя и своих чувств. И одновременно хочется рвануть к сцене и настучать по рукам всем этим охотницам за чужим добром. Они здесь все для меня сейчас соперницы потому что парень, стоящий на сцене – мой. Только мой. И первый раз в жизни я понимаю что-то настолько отчетливо, что мне становится трудно дышать.

– Эй, – тормошит меня за руку Машка.

Но я уже ничего не чувствую: меня можно целиком засушить в морозилку, и мое тело растопит весь лед. В груди пылает бесконечный пожар, способный выжечь целые километры лесов и полей. Я смотрю на него. Этот парень – не такой, как все. Он – особенный. Да. Почему? Что он значит для меня? Мне только предстоит выяснить.

Играет саксофон.

Паша, все еще держа микрофон, поднимает глаза и находит меня в толпе. Он смотрит дерзко, с вызовом. Чувствует, что поставил меня в тупик. Знает, что шутки кончились, и теперь я в его ловушке. Это больше не игра, не дурацкий спор: Паша вывернул передо мной душу, признался в любви у всех на виду и ждет ответных действий.

Я стою, впиваясь в него глазами. И понимаю, что дезориентирована.

Кто-нибудь делал что-нибудь подобное для вас? Уверена,

бы тоже были в шоке.

Когда Суриков сделал пирсинг ради поцелуя, я подумала, что этот псих готов на все ради того, чтобы выиграть спор. Но теперь... его поступок меняет все. Не знаю, что из всего этого выйдет. Не знаю, что чувствую. Не знаю, поступаю ли правильно, но одновременно с последним аккордом и аплодисментами я срываюсь с места и бегу к нему.

Паша

Наверное, я опозорюсь, но обратного пути нет.

Ругаю себя, как последнего идиота. В руках чужая гитара, в голове слова глупой романтической песни и аккорды, которые могут вылететь из головы в любой момент. Но я на сцене, и за спиной уже вступают ударные.

Раз, два, три, четыре. Закрываю глаза, чтобы собраться с мыслями, пытаюсь унять дрожь в коленях, но от этого трясусь еще больше. Совсем как осиновый лист.

– Где-то там, в тишине...

Я не узнаю свой голос, но продолжаю: сбежать будет еще большим позором, чем остаться на сцене. Слова вылетают из меня одно за другим, и, кажется, я не успеваю придавать им нужные интонации. Просто выдыхаю в микрофон, отпускаю их на волю.

И крепко хватаю руками стойку – это мое спасение. Вот оно! Открываю глаза и смотрю вдаль. Выбираю самую черную точку в конце зала на стене. Смотрю сквозь пространство. Потому что знаю: если увижу Аню, остановлюсь и не смогу продолжать. Так было уже десятки раз.

Например, когда приходил в ее кафе и мычал там что-то

нечленораздельное.

– Привет, как дела? – Спрашивает она.

Это мы случайно встретились в спортивном центре полгода назад, Аня ходила туда на йогу. Она стоит всего в полуметре от меня и пристально смотрит. Уголки рта чуть опущены, но губы словно вот-вот готовы сложиться в усмешку. Глаза ее улыбаются, и я понимаю, что девушка готова рассмеяться над моей беспомощностью. Я продолжаю давить на краник кулера, но вода никак не бежит.

– Нормально, – выдыхаю, пытаюсь унять бьющееся с шумом сердце, и снова давлю на рычаг.

– Уверен? – Издевается она, наклоняясь ближе, и кладет мне руку на плечо.

Чувствую, как воздух раскаляется до предела.

– Ага, – отпускаю краник, недоумевая, почему не льется вода, и снова поворачиваю изо всех сил.

– Так и подумала, – улыбается Аня, протягивая мне бутылку с водой. – И удаляется прочь легкой походкой.

Вижу ноги, вижу упругую попку, вижу спину, затянутую в эластичную майку. И не вижу ничего перед собой. Судорожно откручиваю крышку с бутылки и пью воду. Почему эта девушка... будто какая-то особенная? И только рядом с ней я превращаюсь в какого-то идиота. Это, вообще, лечится?

Поворачиваюсь к кулеру и вижу, что сверху на нем даже не установлена емкость с водой. А я давил, давил... Вот это

позорище... Вот debil!

– Привет! – Произносит Аня.

А это я уже у нее в кафе. Четыре месяца назад. Зашел по пути из колледжа, перехватить стакан кофе. Ну, вы поняли – типа совершенно случайно, а не для того, чтобы пялиться на ее зад.

– Привет, – чешу затылок, как болван. Оборачиваюсь к бармену. – Эспрессо с собой, пожалуйста. – Снова поворачиваюсь. Аня все еще прожигает меня взглядом. – Как дела?

– Отлично. – Она молчит, продолжает буравить меня взглядом.

Лихорадочно соображаю, что бы еще сказать. А вдруг это мой шанс?

– Вы с моей сестрой планировали что-нибудь на вечер? Я собирался в кино, может, составите мне к...

Уверен, она почти кивнула головой, когда к ней вдруг подлетел какой-то бугай, притянул к себе и поцеловал прямо в шею.

– А..о... – Она выглядит растерянной и дергает плечом, чтобы он от нее отлип. – Знакомься, Паш. Это мой парень. Марат. А это Паша – брат моей подруги.

Верзила тянет мне руку. Я жму ее и спешу отвернуться, мне хочется провалиться под землю.

– Мне нужно отлучиться, прости. – Извиняется Аня и тащит своего парня в коридор к гардеробной.

Слежу за ними искоса и чувствую себя конченным неудачником.

*– Белокурая бестия!
Пропадаю без вести я!*

Вкладываю все свои чувства в эти строки, пытаюсь подыгрывать себе на гитаре. Пусть знает. Пусть слышит. Наконец, у меня хватило духу. Мужик я или нет?!

И я пою. Снова и снова. Строчку за строчкой, буквально отпускаю душу на волю. За все те разы, когда боялся поднять на нее глаза. За все те встречи, которые не состоялись из-за моей трусости и неуверенности в себе. За все те слова, которые не сказал, хотя мог бы и должен был сказать еще два года назад, когда увидел ее впервые – лучистую, светлую, солнечную. Мою Аню Солнцева. Мое Солнце.

Пою и чувствую, как становлюсь сильнее. Как переступаю свои страхи, как будто рождаюсь заново. А когда песня заканчивается, поднимаю глаза и вижу ее. Стоит в трех шагах от сцены: смятенная, растерянная. Мне даже не нужно было искать ее взглядом. Чувствую, где она. Всегда чувствую. И жду.

Смотрю на Аню, пытаюсь одними глазами сказать: «Да, все, что ты сейчас услышала – полная правда. И я дурак, что

не сказал тебе этого раньше. Но она не двигается, и мне вдруг становится страшно».

Дико страшно, что спугнул ее. Сейчас она развернется и сбежит. Только эта мысль посещает мою голову, как вдруг Солнце, расталкивая людей, бросается вперед.

Я облегченно выдыхаю, отпускаю микрофон и спрыгиваю со сцены. Присутствующие аплодируют, и маленький зал, наполненный народом, кипит от возрастающих температур. Но я не слышу никого: я нахожу в толпе то, что давно искал – ее губы.

Аня буквально запрыгивает на меня. Я едва успеваю подхватить ее под бедра. Прижимаю к себе и касаюсь влажных губ. Балансирую, стараясь не упасть после ее прыжка. Упираюсь обеими ногами в паркетный пол. Она обнимает меня, и я ощущаю нечто вроде потрясения. *Неужели это сейчас происходит со мной?*

Развожу ее губы языком и проникаю глубже. Сильно, больно. Держу ее крепко, постепенно опуская вниз, пока ноги Ани не касаются пола. Этот поцелуй похож на ядерный взрыв: мы создаем огонь, уничтожающий все вокруг, и даже нас самих. Но от него не хочется скрыться. Мы целуемся неистово, грубо, уже до боли в покусанных губах. Толпа свистит и подзадоривает нас, но кому какое до них дело?

Точно не нам.

Аня

– Эй, – я отрываюсь от его губ и, тяжело дыша, смотрю в глаза. В крови подскакивает адреналин, помноженный на шампанское и острое чувство стыда.

– Что? – Обжигая меня своим дыханием, спрашивает Пашка.

Его руки все еще на моей талии. Мы стоим, соприкасаясь лбами, и не можем перевести дух, объятые пламенем и опьяненные друг другом.

– Они, – хрипло выдыхаю я, – аплодируют...

– Слышу, – улыбается он.

– Нет, – я отрицательно качаю головой, воздух с шумом вылетает из моих легких.

– Что? – Паша отрывается, чтобы посмотреть в мои глаза в поисках ответа на свой вопрос.

– Они аплодируют потому, что... у меня юбка треснула...

Мне даже не нужно проверять это ладонью. Я и так чувствую, что плотно облежавшая до этого мои бедра белая юбка-карандаш вдруг стала сидеть свободнее. Гораздо свободнее. Она разошлась по шву, и сзади едва ли не ветер задувает в получившийся разрыв. Радостный девчачий визг подтверждает подозрения о том, что все присутствующие имеют честь лицезреть мои кружевные красные стринги.

Интуиция меня не обманывает: перегнувшись через мое плечо, Пашка вдруг ойкает, скидывает с себя рубашку и быстро обматывает вокруг моей талии. Теперь он стоит передо мной в одной майке и джинсах и силится, чтобы не рассмеяться.

Что сделала бы на моем месте Машка? Рванула бы подальше от такого позора. Но это произошло не с ней, это произошло со мной – с девушкой-катастрофой, умудрившейся в узкой юбке с разбегу запрыгнуть на парня у всех на глазах. А я привыкла выходить из таких ситуаций красиво.

Подмигнув Сурикову, я нарочито небрежно сдуваю прядь упавших на лицо волос и вскидываю вверх руку в победном жесте: «Да! Знай наших!» Подзадориваю толпу. Пусть хлопают громче. «Да!» – кричу вместе с ними.

Вот так, господа, нужно смеяться над собой. Вот так.

Паша качает головой. Смотрит на меня как-то странно. И я вижу в его глазах... восхищение.

– Ну, же! – Говорю я. – Возвращайся на сцену. – И со всей силы впиваюсь в его губы и резко отпускаю. – Сделай их всех! Еще раз.

Я подталкиваю его. Парень долго смотрит на меня, а затем неохотно удаляется. Запрыгивает на импровизированную платформу, берет гитару, и вместе с ребятами начинает исполнять одну из заготовленных ими композиций.

Я сбиваю ладони чуть ли не в кровь. Аплодирую вместе со всеми, вкладывая все последние силы, подпеваю, пока голос окончательно не хрипнет. Скачу так, что уже не надеюсь на то, что каблуки это переживут. Мне плевать, как я выгляжу. Плевать, что подумают.

– Мой парень – чертова рок-звезда! И да, это мой парень. Мой! У-у-у! – Я привязываю красную рубашу крепче к талии и двигаюсь в сторону бара. – Налет уже кто-нибудь подружке солиста, а?

Паша

Я на подъеме. Не верю своему счастью. Доигрываю последние аккорды песни, убираю гитару в чехол и, спускаясь со сцены под одобрительные возгласы и крики, жму руки всем желающим.

Да, знаю, где и в каких моментах лажал, но все равно чувствую себя почти суперменом. Вовремя мне встретился этот Дима. Без его помощи вряд ли бы когда-то удалось получить этот опыт. Пусть на чужой гитаре, пусть не на большой сцене, а на всего лишь скромной студенческой вечеринке и не профессионально, но я сегодня играл и был счастлив.

Нужно будет поблагодарить Диму. Признаться, сперва этот татуированный и пестрый, как попугай, парень мне не понравился – прилип, будто банный лист на задницу, к моей сестре. Таскался за ней везде, руки тянул. Дерзкий такой, мажористый, мнит о себе, хрен знает что. Меня чуть не порвало от злости, когда он первый раз завалился к нам домой и закрылся в комнате с сестрой. Это же моя Маша! Смог бы я спокойно смотреть, как какой-то подонок пользуется ею в свое удовольствие, а потом бросает?

Ну, уж нет. Она у меня девочка домашняя. Скромная, добрая, робкая. Дерзит мне, конечно, по-черному, но я-то знаю, какая она на самом деле: мы же с ней двойняшки. С детства плечом к плечу. Чувствуем друг друга даже на рас-

стоянии, знаем друг о друге абсолютно все, делимся всеми переживаниями.

В последнее время, конечно, гораздо меньше, но это из-за того, что мы разнополюе. Для девчачьих секретов у нее есть Аня, и это хорошо. Потому что Маша закрытая, и мало с кем общается. Оттого наивная. И мне, как главе семьи, хотелось видеть рядом с ней надежного спутника: хорошего парня, который не обидит, не предаст. Сестра же еще ни с кем не встречалась, поэтому для меня этот вопрос был очень важен, и тут, представьте, вдруг появляется это расписное нечто! Длинный, тощий, татуированный с головы до пят, и наглый, как сам дьявол. Пришлось тогда немножко помять его, самую малость. Зато теперь знает, что его ждет, если вздумает причинить боль моей сестре.

Сердце мне подсказывает, что все у них сложится, но бдительность я по-прежнему не теряю. Кто защитит ее, если не я? Наш гад-папаша свалил, когда нам с сестрой было лет по десять, и с тех пор ни разу не наведывался. Спасибо ему – это меня закалило, повзрослел в один день.

Одно время был зол на весь мир, а потом просто забил. Проводил все дни в гараже со школьным другом и его отцом: ковырялись в машинах, и многому научились, так что если не получится устроиться на нормальную работу, всегда есть вариант пойти в автосервис – на кусок хлеба с маслом хватит.

Поднимаю глаза и вглядываюсь в толпу. Маша стоит воз-

ле окна со своим одноклассником Игорем, а Дима на танц-поле едва не обнимается с Викторией (они все учатся вместе). Не понял. Что происходит? Мне казалось, что у ребят все было хорошо: последнюю неделю мы каждый день проводили вместе. Гуляли, ходили в кино, зависали в репетиционном гараже. Они отлипнуть друг от друга не могли, и у меня аж скулы сводило от бешенства.

Братская ревность – странная штука. Для меня отдать сестру Диме, все равно, что дочку замуж выдать. Равносильно тому, что из груди вырежут сердце, и оно начнет биться вне меня.

Я спешу к ним, но дорогу преграждает хрупкая блондинка. Смелая стрижка: длинные волнистые волосы, сложенные набок, другой бок гладко выбрит. В ухе массивная золотая серьга, длинная и, наверняка, тяжелая. Лучи светомузыки мелькают на лице девушки, застывая на секунду на красивой белозубой улыбке. Исчезают, а затем появляются вновь и освещают глаза – темно-зеленые с хитрым лисьим прищуром.

Пытаюсь обойти ее, но незнакомка делает шаг влево, преграждая мне путь.

– Леся, – протягивает мне руку.

– Паша, – быстро жму ее хрупкую ладонь, награждая дежурной улыбкой и двигаюсь дальше.

– Я хотела... – Она догоняет и успевает ухватить меня за

ЛОКОТЬ.

Я останавливаюсь и наклоняюсь к ее уху. Нос щекочут сладковатые духи девушки с терпким оттенком вишни.

– Не могу сейчас, простите. – И иду дальше, оставив ее позади.

Ищу глазами сестру, но не нахожу – возле окна уже никого нет. Оборачиваюсь на крики, прохожу дальше и натываюсь на неприглядную сцену.

Вика, что полминуты назад буквально вешалась на Диму на танцполе, визжит не своим голосом. Рядом сам Дима – держит за грудки Игоря и что-то ему выговаривает. Тот кажется перепуганным, но, обороняясь, отчаянно пытается ухватиться за татуированную шею противника, отмахивается руками и, наконец, получает резкий отрывистый удар кулаком в лицо.

Когда Игорь теряет равновесие и падает на пол, Дима разворачивается и устремляется прочь – к выходу. Все происходит буквально за считанные секунды. Я даже не успеваю оценить ситуацию. Абсолютно не понимаю, какого черта здесь сейчас произошло, и мне очень хочется выяснить, что именно, ведь оно напрямую касается моей Маши.

Я делаю шаг и врезаюсь в подбежавшую Солнцева.

– Стоять, – шумно выдыхает она.

Обхватив ее за плечи, я пытаюсь сдвинуть девушку в сторону, но она буквально впивается ногтями в мои предпле-

чья. Если Аня не дает мне пройти, все намного серьезнее, чем казалось. Она знает о моей вспыльчивости и не хочет, чтобы я наломал дров.

– Стоять, я сказала.

И эти слова заставляют меня остановиться. Я опускаю глаза и смотрю на губы, которые беззастенчиво целовал у всех на виду всего полчаса назад.

Анна

Интересно, как Пашка отнесется к тому, что я немного затынусь дымом?

Хотя о чем это я? Пусть своей сестре запрещает, со мной этот номер не пройдет. А то струхнула прям. Мало ли что он там подумает обо мне. Какое у меня всегда было правило для мужчин? Ах, да, правильно: «не нравится, катись»!

Я поворачиваюсь на каблуках, явственно ощущая, что тело теперь не такое уж и послушное. Сколько же я выпила? Бокал, два? Пф-ф, да это ж детская доза! Поправляю рубашку. Пожалуй, нужно отыскать уборную. Поправить трусы, врезавшиеся туда, куда им не положено, осмотреть юбку, разошедшуюся от шлицы вверх почти до самой талии, и обновить макияж. Делаю нетвердый шаг и моментально трезвею: на меня несется Машка. Напуганная, расстроенная чем-то, совершенно потерянная.

Нет, не на меня – несется к выходу, не замечая никого вокруг. Я делаю отчаянный рывок в ее сторону.

– Ты куда? – Хватаю Машу за руку.

Это заставляет ее притормозить. Подруга поворачивается: в ее глазах слезы.

– Домой. – Она не смотрит на меня, ее взгляд растерянно мечется по танцполу.

Наконец, Маша вырывает руку и пытается уйти. Конечно.

«Хрен ты у меня куда уйдешь в таком состоянии!» Я хватаю ее за плечо и разворачиваю к себе. Рубашка на моей талии снова съезжает в бок.

– Подожди, стой. Что случилось? Где Дима?

Где-то справа громкую музыку перекрывает истошный женский вопль. Пытаюсь поправить рубашку, прикрывая оголенный зад, одновременно ищу глазами источник звука.

– У него там разборка намечается из-за Вики. – Всхлипывает Маша и, воспользовавшись тем, что я ее больше не держу, отпрыгивает. – Не хочу на ней присутствовать.

– Что?! – Смотрю я на нее, но подруга уже бросается наутек.

– Ага, представь себе. – Кажется, отвечает она, но переспросить нет возможности, передо мной лишь ее удаляющаяся в толпе спина.

Снова раздается визг. «Да кого там кошки бешеные дерут?!»

Я бросаюсь в эпицентр драки. Люди расходятся, и прямо к моим ногам падает подкошенный от Диминого удара Игорь. Мне едва хватает пространства, чтобы отскочить назад, и парень ударяется затылком о носки моих босоножек.

«Всегда рада помочь». Надеюсь, мои отдавленные конечности смягчили ему падение. Он отползает, и я, стиснув зубы, скачу на одной ноге.

Игорь перекачивается, пытаюсь встать, но теряет ориентацию в пространстве. Мне приходится наклониться, что-

бы помочь ему. Парень привстает, находит глазами Вику и брезгливо выплевывает в ее сторону:

– Зачем ты ему всё рассказала?

Я поднимаю глаза. Девушка в ужасе закрывает рот рукой, она оскорблена.

– Я должна была, – обиженно пищит Вика.

Десятки пар глаз устремлены на пытающегося встать парня. Димы рядом уже нет, его спина мелькает где-то возле выхода. «Вот тебе на...» Хороша вечеринка. А что произошло-то?

– Думала, он узнает про то, что было у нас с Суриковой, бросит ее и станет встречаться с тобой? – Усмехается Игорь, глядя на девушку. Это слышат почти все в зале потому, что музыка вдруг затихает. – Тупая дрянь...

Он прикладывает ладонь к лицу, ощупывая ушибленный глаз, и беззвучно матерится. Вика убегает прочь. Я только начинаю догадываться, что произошло, и вижу, как сквозь толпу к нам пробирается Паша. Только его не хватало.

– Беги, придурок, – шепчу Игорю, – если не хочешь, чтобы тебя превратили в фарш.

Выдыхаю, расправляю плечи и двигаюсь навстречу своему парню.

– Стоять!

Выскакиваю ему наперерез. Пашка опускает на меня взгляд, полный гнева. Он словно весь горит изнутри, глаза налиты кровью (мне не помешал бы сейчас огнетушитель).

Пашкины руки обхватывают мои плечи и отодвигают меня в сторону, словно тряпичную куклу. «Эй, со мной этот трюк не пройдет!»

– Стоять, я сказала. – Слова вылетают из меня, как острые клинки. Сейчас он либо услышит меня, либо отшвырнет и пойдет дальше.

На удивление Пашка останавливается. Смотрит растерянно и, кажется, даже видит меня сквозь пелену ненависти и ярости. Я опускаю руки с его плеч ниже, к ладоням, сжатым в кулаки.

– Пойдем-ка, я тебе кое-что расскажу.

Маша убьет меня, но по-другому нельзя. Несколько секунд Суриков сканирует мое лицо взглядом, потом, наконец, смягчается и следует за мной к бару. Вновь включается музыка и гремит, сотрясая стены, по потолку пляшут световые лучи, и я облегченно выдыхаю. Надо же, этот парень совсем как бык, не дай Бог разозлить такого. И улыбаюсь самой себе. Вот что мне в нем нравится – сила.

Паша

Аня увлекает меня за собой, прихватив со стойки бара бутылку шампанского. Смотрю, как плавно она виляет бедрами при ходьбе, и это зрелище меня успокаивает. Будто песок пересыпается сквозь песочные часы. Мы останавливаемся у одной из стен, там, где меньше всего народа. Мне не терпится узнать, какого черта здесь происходит.

– Пей. – Приказывает она и устало сползает по стене вниз.

Я беру из ее рук бутылку, сажусь рядом на пол и делаю несколько больших глотков, словно пью воду, а не газированный алкоголь. Напиток холодный, почти ледяной.

– Не хочешь снять эту штуковину? – Аня указывает на колечко в моем носу.

Я улыбаюсь.

Обвожу взглядом шею и плечи девушки, спускаюсь ниже, к груди. Представляю ее в нижнем белье, а затем в тонкой белой майке на голое тело. Мокрой, полупрозрачной от воды, через которую видны торчащие вверх упругие соски.

– А? – Переспрашиваю, сделав еще глоток.

Аня щелкает пальцами перед моими глазами. У меня кружится голова. Да, я пьян, но напиток не мог подействовать так быстро. Я захмелел от близости с ней и уже почти забыл из-за чего только что злился.

– Пирсинг, говорю, из носа не хочешь уже убрать? – Сме-

ется она.

В это время я мысленно пересчитываю ее длинные пушистые реснички, люблюсь ямочками на щеках.

– Не-а.

– В принципе... тебе идет.

– Уже привык к нему.

Она опускает глаза на мою грудь, пытаюсь разглядеть что-то под майкой.

– А там? – Имеет в виду колечко на соске. – Зажило уже?

– Вроде. – Ее присутствие здесь, рядом со мной – это почти нереально. Меня вновь охватывает смущение. – Не заговаривай мне зубы. Лучше скажи, что там произошло... между ребятами.

– Лучше выпей еще. – Она тянет руку, и на мгновение мое сердце перестает биться. Но ее пальцы лишь смахивают капли шампанского над моей губой.

– Это что-то очень плохое?

– Да. – Аня кивает и прячет глаза, делая вид, что поправляет застёжку на босоножках.

– Я захочу кого-то убить?

– Скорее всего.

Вздыхаю.

– Диму?

– Нет.

– Машу?

Она прочищает горло.

– Хм, нет.

– Кого? Того гада, который только что получил по шам?

– Ага. – Аня смотрит несмело.

Я чувствую, как начинаю закипать вновь.

– Не тyani, говори, как есть.

Ее рука касается моего плеча – осторожно, нежно.

– Обещай, что ничего не станешь предпринимать сейчас.

– Даю слово, – говорю я и не верю самому себе.

Аня забирает у меня бутылку, делает жадный глоток и возвращает обратно.

– В общем... Да я не знаю, как тебе это сказать. – Она убирает волосы за уши, так ее лицо выглядит еще милее. – Понимаю теперь, почему Маша не говорила тебе, ты бы просто его убил.

– Говори уже. – Я жадно пью, чувствуя, как холодные капли скатываются по подбородку и падают мне на грудь.

– Они встречались с Игорем. Год назад.

– Что? – Мне не хватает воздуха. – Что за бред? Я не мог не знать.

– Поэтому она тебе ничего и не рассказывает. Поэтому вы отделились. – Аня крепко сжимает мою руку. – Потому что ты чуть что вскипаешь, словно чайник. Свистка только не хватает!

– Я не мог не заметить, если бы моя сестра встречалась с кем-то!

– Блин. – Она вздыхает. – Да они сначала переписывались:

Игорь сидел дома со сломанной ногой, а потом Маша стала к нему приходить, выводила на прогулку. Они вместе смотрели фильмы, общались, гуляли. Как все другие пары. Почти всё лето! – Аня снова прячет глаза. – А потом, когда начались занятия... в первый день в университете... он... ну, в общем, сделал вид, что не знает ее.

– Не понял.

– Знаешь ведь, что твоя сестра, она... как бы невидимка в своей группе?

– Моя сестра что?! – Я чувствую, что готов взорваться. – Хочешь сказать, Маша... не общается там ни с кем?

Аня наклоняется и осторожно кладет ладони мне на грудь. Гладит, едва касаясь. И мне становится стыдно, что девушка меня боится. Моей реакции, моих эмоций. Словно я какой-то Халк.

– Да... – Отвечает она. – Сурикат... это... в общем, не ваше домашнее прозвище: так Машу называли в группе в первое время, а потом она стала огрызаться в ответ, и ее вроде как... оставили в покое. Почти никто не общался с ней, пока не пришел Дима. Ей повезло с ним, правда. Теперь есть, кому заступиться.

Я закрываю лицо руками и дрожу. Чувствую, как Аня гладит меня по волосам, и прокручиваю в голове последние два года. Как я мог? Где упустил момент? Почему, вообще, решил поступать в другой университет?

Я просто бросил ее. Мою сестру некому было защитить!

Она все это время все переживала в себе, терпела и даже боялась поделиться со мной. Я что, конченное чудовище?!

– Паш, – Анин голос ласкает слух. Он заставляет меня выдохнуть от бессилия и разжать напряженные пальцы. – Ты не виноват. Не нужно так. Ей пора учиться самостоятельности. Знаешь, сначала твоя сестра ждала, когда все наладится. Ждала, что получится найти с группой общий язык, а после того случая с Игорем...

Я поднимаю глаза и вижу, как Аня кусает губы.

– Твоя сестра пришла тогда к нему, чтобы объясниться, а Игорь просто воспользовался ею. – Она краснеет, или мне кажется? – Маша была против, а он просто... Такой вот первый раз вышел у девчонки.

– Что?

Она сжимает мою руку. Ей не хочется говорить, но мне нужно это слышать. Нужно.

– У меня язык не поворачивается. Как еще сказать? Раздел, положил, навалился сверху, и все. – Аня морщится, словно от зубной боли. – Она не хотела, просто была в шоковом состоянии. Потом просто встала, собрала вещи и ушла.

– Он, – у меня пропадает дар речи, – он, что, ее... изнасиловал? Мою сестру?!

Мое сознание проваливается в темноту, ноги слабеют.

– Нет. Больше нет, чем да. – Она шумно выдыхает. – Маша была в шоковом состоянии. Не хотела, но не могла сопротивляться, а Игорь воспользовался моментом, а потом всем

растрепал. Сегодня Вика доложила обо всем Диме, он ведь ей нравится. Думаю, что и приукрасила еще. Выставила Машу, не пойми кем... Могу только догадываться...

Она прикусывает губу, жалея о сказанном. Я вижу это и вскакиваю на ноги, но Аня тут же вцепляется в меня мертвой хваткой.

– Подожди, нет-нет-нет! Ребятам нужно поговорить наедине. – Она шепчет, прижимая меня к себе. – Дима – не дурак, он все поймет. А Игорь – просто подонок, и... ты поговоришь с ним потом. Хорошо?

– Нет!

– Да. Ему ведь уже досталось. На сегодня хватит.

– Нет.

– Тебе важнее поговорить завтра с сестрой. Она не пожаловалась потому, что ей было стыдно. Понимаешь? Стыдно перед тобой. А сейчас стыдно перед Димой.

– Хорошо. – Я неуверенно качаю головой. – Но я до него доберусь и тогда...

Пытаясь успокоиться, я обнимаю Аню за талию, провожу руками по ее спине. Склоняю голову и кладу ей на плечо. Мне хочется убивать. Разорвать этого Игоря на куски голыми руками. Хочется просить прощения у Маши за то, что был так невнимателен к ней все это время, что не защитил.

Мне. Хочется. Плакать.

Я закрываю глаза и сильно зажмуриваюсь. Нельзя реветь перед своей девушкой. Даже если знаю, что она все поймет,

и что ее не оттолкнет моя слабость. Нельзя. Нельзя. Нельзя.

Мы снова садимся на пол, прижимаясь друг к другу плечами. Молчим. Пьем и смотрим, как публика под музыку топчет грязными башмаками дорогуший паркет.

Наши руки сомкнуты, пальцы переплетены. Я держу бутылку свободной левой рукой, а Аня берет у меня ее свободной правой. Когда остается последний глоток, мы делим его пополам и улыбаемся.

Алкоголь на время забирает боль, делает нас свободнее, смелее и заставляет двигаться навстречу друг другу без прежнего смущения.

– Я отправила ей сообщение, – говорит Аня, – будем надеяться, что все будет хорошо. Раз Дима еще не вернулся, значит, нашел Машу. Нам остается только ждать новостей.

Я поворачиваюсь к ней.

– Останемся здесь?

Она часто моргает.

– А ты хочешь?

– Вдруг они вернуться.

– Тогда будем веселиться. А если не веселиться, то просто отдыхать. Ты же... – Аня стреляет глазами, – звезда этого вечера.

Я смеюсь. Встаю и подаю ей руку. Чувствую приятное расслабление во всем теле. Аня берет мою ладонь и приподнимается, но осторожно. Оглянувшись по сторонам, поправляя-

ет рубаху, служащую прикрытием ее шикарных тылов. Начинает хихикать, и я внезапно понимаю, что она прилично пьяна.

Качнувшись, Солнцева упирается ладонью в стену и испуганно отпрыгивает, когда створки скрытого в ней бара вдруг начинают отодвигаться в стороны.

– Ой... – Она не верит своим глазам.

– Ого! – Удивляюсь я, подхватывая подругу за талию.

Перед нами на ярко освещенных полках рядочками стоят пузатенькие бутылки «Моэт и Шандон», сверкают яркими этикетками, манят и зовут. Пока я ищу панель, при нажатии на которую эти сокровища снова скроются в потайном баре, Аня хлопает в ладоши и убегает. Куда это она?

– Аня! – Кричу я, но мои слова растворяются в громкой музыке. – Как же эта штука закрывается?

Когда Солнцева возвращается, я продолжаю внимательно изучать поверхность стены. Она подкатывает здоровенный стол на колесах, на котором выстроены бокалы для шампанского.

– О, нет! – Стону я, предугадав ее мысли.

– Подожди ты, – смеется Аня, отталкивая мою руку. – Официантка я, или где? Думаешь, не смогу собрать пирамиду из бокалов? А?

Смотрит на меня, пытаюсь состряпать обиженное лицо, и тогда я вдруг понимаю, что она пьяна гораздо больше положенного. Хочу рассердиться. Понимаю, что нужно ее остано-

вить, но вдруг начинаю ржать. Смеюсь громко, долго и никак не могу остановиться, а Аня упорно и аккуратно, несмотря на неуверенные движения, ставит один за другим пустые бокалы друг на друга.

Тогда я достаю из бара и откупориваю по очереди бутылки с дорогим шампанским. Когда последний бокал на вершине кривой пирамиды уже установлен и стоит наперекор всем законам природы, я лью игристый напиток тонкой струйкой сверху. Аня хватается следующую бутылку, наклоняет и льет шампанское вместе со мной. Мы смеемся. Наши действия уже привлекли всеобщее внимание, и нас окружает народ.

– Угощайтесь! – Кричит Солнцева с видом радушной хозяйки и машет руками.

А когда несколько человек берут бокалы сверху, она вдруг отпихивает подошедших и с радостным криком «Банза-а-ай!» выдергивает бокал из нижнего ряда. Я успеваю лишь затаить дыхание, когда громоздкая пирамида в один момент превращается в грудку осколков на столе и у наших ног.

– Уау! – удивляется Аня, сложив губы трубочкой.

Похоже, ее это забавляет. Кто-то смеется, другие аплодируют, а третьи, не обратив внимания, продолжают танцевать.

– Песец, – выдыхаю я.

– За тебя! – Моя подружка поднимает бокал над головой, весело подмигивает мне, ослепив светом хитрых синих глаз, а затем выпивает шампанское до дна и вдруг разбивает со всей дури пустой фужер о стену. – Юху-у-у!

Она хохочет, и я лечу вместе с ней высоко в небо – быстро, словно сдутый шарик. Мне так легко. Теперь я смеюсь вместе с ней, обхватив руками живот. Мы отбитые на всю голову придурки, но нам так хорошо вместе.

– Нам всем песец. Полный песец. – Говорю я и чуть не валюсь с ног.

– Ты как хочешь, а я в бассейн! – Пошатываясь, говорит Солнцева. Она манит меня пальчиком, в ее глазах пляшет тысяча безумных чертят.

Я тяну к ней руки:

– Ну, уж нет, такое я точно не пропущу!

Аня

Я бегу к большой стеклянной двери. Знаю, что Пашка бежит за мной. Этого и боюсь. В его глазах есть что-то такое, чего я так долго избегала и даже боялась пожелать. Поскальзываясь на каменном полу коридора, я торможу каблуками и в последнюю секунду хватаюсь за ручку двери. Удержавшись, срываю с ног осточертевшие за вечер босоножки и отбрасываю их в сторону.

Пашка почти настигает меня. Понимая это, я резко дергаю ручку двери вниз и выбегаю во двор. Несусь по траве и вдруг чувствую, как кончики его пальцев касаются моей талии. Они обжигают кожу, согревают меня до самого сердца. Я останавливаюсь лишь, когда его руки крепко обхватывают меня и с силой притягивают к себе.

Бах! Мы сталкиваемся телами.

Мне нравится это новое чувство, от которого хочется бежать, как можно дальше, не оборачиваясь, и знать, что все равно не убежишь. Оно найдет тебя даже в другой вселенной. *Он найдет.*

Я прижимаюсь спиной к его груди – твердой, сильной, горячей. И понимаю, что мне, может быть, впервые в жизни хочется постоять вот так, молча. Закрывать глаза и довериться другому человеку. Быть с ним настоящей.

Другого парня я отшила бы. А этому... даже смотреть в

глаза боюсь. Вдруг задохнусь? Нырну в них и утону. И больше не вынырну.

– Хотела сбежать от меня? – Шепчет Пашка мне в ухо, удерживая за талию, и я еле сдерживаюсь, чтобы не обернуться и не поцеловать его. Но на нас смотрят парочки, расположившиеся возле бассейна на лежаках. Смотрят небольшие компании, облюбовавшие подвесную качель и мягкий газон. – Правда, хочешь искупаться? – Его дыхание щекочет мне шею.

Я закрываю глаза, чувствуя, как во всем теле рождается дрожь.

– Хочу, – хрипло отвечаю я, думая сейчас совершенно о другом.

Его руки обхватывают меня еще крепче и тугим обручем сдавливают грудь. Я вдруг понимаю, что если бы и хотела вырваться, то все равно не смогла бы.

– Думаешь, *мне слабо*?

Опять игра. Опять вызов. Только победителей на этот раз не будет: мы оба в выигрыше, а это всего лишь прелюдия.

– Конечно, – усмехается Пашка.

Я выдыхаю, каждой клеточкой кожи впитывая его запах. Прижимаюсь спиной к его груди в попытке напитаться жаром, согреться, забрать его огонь, ведь сейчас мне станет холодно. Очень холодно.

– Как же плохо ты меня знаешь...

После этих слов Паша в недоумении опускает руки. Я раз-

вязываю рубашку, быстро сдергиваю вниз юбку и оборачиваюсь к нему. Парень стоит, открыв рот. Изумленный, смятенный, как и все присутствующие. Даже сквозь шум музыки, доносящейся из окон дома, мы слышим довольный свист ребят, расположившихся поодаль на газоне.

Я собираю волосы и завязываю узлом на макушке. Просто так, без резинки – длина позволяет. Подмигиваю растерянному Сурикову и, когда он вскидывает в недоумении руки, разворачиваюсь и несусь к небольшой вышке в основании бассейна.

– Аня! – Кричит он мне в спину.

Но я не останавливаюсь. Интересно, Паша боится за меня или шокирован тем, что его девушка осталась у всех на виду в одном коротком топе и тонких кружевных стрингах?

Едва голые ступни касаются холодной стали ступенек, я вдруг трезвею окончательно. Какого черта? Не зная глубину бассейна, не веря в собственные силы... Что я здесь делаю? Неужели мне так хочется сбежать от этого парня и своих чувств, что готова сделать все, лишь бы не оставаться с ним наедине и не смотреть в глаза?

Взобравшись на самый верх, я делаю несмелый шаг на трамплин и чувствую, как дрожат поджилки. Нет. Что с нами происходит? Все это неправильно. Мы должны быть сейчас в совершенно другом месте.

Мне нужно позаботиться о подруге, а Пашке наказать обидчиков сестры. Я опускаю взгляд, пытаюсь вспомнить, где

мои вещи и телефон. Оглядываю свою фигуру. Как я, вообще, могла так напиться, чтобы остаться без одежды и с маленькой полоской кружева вместо трусов?

Глаза ловят испуганный Пашкин взгляд – там, внизу. Очень далеко внизу. Я пытаюсь выдавить улыбку и не могу. Хватаюсь за поручень, впиваюсь в него пальцами из всех сил. Нужно спускаться, идти обратно. Это уже слишком. Переведя дух, я хочу развернуться, как вдруг слышу подбадривающий свист. Это вызов.

– Уху! Давай, детка! – Кричит кто-то незнакомый.

И меня переключивает, я опять ловлю кураж. Не выставить же себя трусихой?! Выпрямив спину, расправляю плечи. Главное, не думать ни о чем. Не высчитывать. «Боже, храни смелых и пьяных. Если сверну себе шею, прошу вспоминать меня веселой и безбашенной. Аминь!»

В три шага достигаю края трамплина. Толчок! Мозг судорожно соображает, куда девать руки. Прижимаю их к телу и лечу вниз стрелой. Успеваю закрыть веки, но забываю задержать дыхание. Вхожу в воду, как нож в масло – быстро и резко.

Сердце сбивается с ритма, нос заполняется жидкостью, на языке появляется привкус хлорки. Те доли секунды, пока ноги еще не касаются дна, я лихорадочно соображаю. Нет, не о том, жива или нет. О том, потечет ли водостойкая тушь по щекам или все-таки пощадит меня.

Мне же еще выныривать. *Перед Пашей.*

Когда, наконец, ступни касаются холодного дна, я отталкиваюсь изо всех сил и поднимаюсь наверх. Работаю руками, ногами. Мир на поверхности видится словно через мутное стекло. Еще немного, еще. Едва я выныриваю, выкашливаю всю жидкость из дыхательных путей и машу рукой под дружные аплодисменты. Радуюсь, что все обошлось. На плаву держаться всё труднее, и поэтому я медленно гребу к бортику.

На краю бассейна сидит Суриков.

Откашлявшись еще раз, я тихонько плыву в его сторону. Чувствую, что волосы растрепались, стали мокрыми, склизкими, и липнут к спине. Постепенно ко мне приходит боль от удара о воду. А ведь, казалось, хорошо вошла – как спортсменка, наверное, почти даже без брызг.

Смотрю на Пашку, качающего головой, и пытаюсь свыкнуться с мыслью о том, что мы вместе. Пока никак не получается. Как же все будет? Сможем ли мы? Невозможно даже представить.

Я подплываю ближе и вижу, что он смеется. Даже не так – улыбается, вздыхая и периодически прикусывая губы. Гляжу на него и не могу налюбоваться. Когда он успел превратиться из мальчика в мужчину? Пронзительные серые глаза, открытые, добрые. Блестящие каштановые волосы, смуглая кожа, обласканная нежным весенним солнцем. Сильные ру-

ки, даже под рукавами футболки не умеющие скрыть изгибы бицепсов.

Я смотрю на него и чувствую, как мое тело буквально трещит от желания. Так обычно потрескивает электричество или сухие поленья в костре. Так разгорается пламя, беспощадное, непобедимое, рождая настоящий пожар, уничтожающий все живое.

– Ты – сумасшедшая! – Воскликает он.

Я вновь ныряю. С головой. Мне нужно охладиться потому, что его голос как самый восхитительный на свете шоколадный торт: глубокий и тающий на языке. Низкий – с легкой горчинкой сексуальной хрипотцы. Мммм...

– Ух! – Выныриваю возле самых его ног.

– Думал, ты уплыла насовсем.

Улыбаюсь, еле выдерживая его взгляд, хватаюсь за выложенный мозаикой край бассейна.

– Нет.

Паша нагибается ко мне.

– Изображала подводную лодку?

– Глубоководный батискаф.

– Неплохо. Не знал, что ты умеешь так нырять.

Я подтягиваюсь на локтях, меня охватывает смущение.

– Перед тобой девушка, в которой скрыто множество талантов.

«Но так и не нашедшая своего предназначения в жиз-

ни», – это я вслух не говорю.

Через мгновение к нам подходит какой-то парнишка. Худой, жилистый, коротко стриженный. Протягивает два картонных стакана с неизвестным содержимым.

– Спасибо, – кивает Паша, принимая стаканы. – Аня, знакомься, это Яр. Он клавишник, это у него в гараже мы репетировали, чтобы... ну, ты поняла...

Я снова вспоминаю ту чудесную песню и эмоции, что он мне сегодня подарил.

– Очень приятно. – Улыбаюсь я, подозревая, что похожа сейчас больше на мокрую рыбу, чем на девушку, которой посвящают песни, но мне, как обычно, по барабану.

– И мне приятно, – изумленно оглядывая меня, говорит паренек.

И, стусевавшись, быстро удаляется.

Я перевожу взгляд на свою грудь: короткий белый топик промок насквозь и уже не скрывает того, что под ним.

– Вот черт! – Поспешно ныряю обратно в воду, погружаясь до самых плеч.

Замечаю, что Пашка не отводит от меня глаз.

– Ты... – произносит он, сглотнув, – давай, бери. – протягивает мне стакан.

Я беру, делаю жадный глоток и ставлю стакан на бортик.

– Идем ко мне, – вдруг выпаливаю я.

Ставлю руку на край и изображаю двумя пальцами чело-

вечка, который шагает к Пашкиной руке. Человечек подходит и щекочет своими ножками его запястье.

– Пойде-ем!

– Нет, – он отпивает из стаканчика. – Мне все еще не по себе после произошедшего с сестрой, нужно было разобраться с этим Игорем.

– Успеешь еще. Ему и так досталось.

– Нужно позвонить Диме, узнать, все ли у них хорошо.

– Да они скоро вернуться, не переживай. Давай отрываться!

– Я стараюсь, – усмехается Пашка, меняя положение и усаживаясь в позу йога.

Мимо нас пробегают девчонки, отважившиеся раздеться и тоже окунуться в бассейн. Правда, не так феерично, как я. Они осторожно спускаются в холодную воду по лестнице, смеясь и повизгивая.

– Вырубай деда, тебе *всего* двадцать. – Говорю я.

– Хороший возраст, чтобы решить, каким путем идти. – Пашка протягивает мне свой стаканчик, и мы беззвучно чокаемся.

– Слушай, а когда еще отдыхать на всю катушку? Лет через десять у всех присутствующих будут семьи, дети, заботы, дача и старенькие вместительные автомобильчики. Я тоже боюсь взрослеть, но не на вечеринке же об этом думать, правильно?

– Ну, хорошо. – Соглашается он.

Соскакивает и сдирает с себя футболку, бросает ее на траву, и я вдруг чувствую, что слепну.

– Святые угодники! – Закрываю рот мокрыми ладонями и тут же отпускаю. – Тебя какая штанга в спортзале укусила? Откуда все это?! Когда?

Смотрю на его рельефное тело, на мощную широкую грудь и чувствую, как внутри меня все сжимается в комок.

– Ты о чем? – Искренне удивляется Пашка.

И я вспоминаю дрища, которым он был еще год назад. Худенький, кучерявый парнишка. Симпатичный обаятельный, добрый, но все же живчик – тонкий, как щепка!

А кто этот подтянутый и крепкий парень передо мной? Кто этот мужчина с каменным прессом, который хочется до одури гладить и целовать?

Стоп, стоп. Меня, кажется, опять понесло.

– Ты же в полном порядке, – я осушаю стакан залпом, указывая на его грудь.

Пашка вопросительно разглядывает себя и нечаянно касается ладонью пирсинга в соске, который сделал неделю назад на спор, чтобы добиться моего расположения. Я в это время представляю, что со мной сейчас будет, если он сбросит брюки и прыгнет в воду...

В попытке спрятать взгляд я отталкиваюсь от бортика и ощущаю какую-то необыкновенную легкость и вдруг понимаю, откуда она взялась – *на мне нет трусов!* Их нет! Они уплыли!

Паша

– Мои трусы! – Вдруг кричит Аня, когда я только собираюсь расстегнуть брюки, чтобы раздеться и прыгнуть к ней. Она подплывает ближе, хватается за бортик и замирает. Добавляет уже тише. – Мои трусы... они уплыли...

Девчонка выглядит растерянной, а я не в силах сдержаться, снова начинаю ржать.

– Да, так бывает, если нырять в воду не в специальных плавках. Если тебя это утешит.

Она, держась за бортик, отчаянно вертит головой и пытается отыскать потерянный предмет одежды. Я ставлю стаканчик на траву и иду в противоположный конец двора, туда, где видел днем большой сачок. Беру его и начинаю обходить бассейн по периметру. Наконец, когда вижу маленький кусочек темной ткани, болтающийся на поверхности, замечаю, что Солнцева тоже уже заметила его и уже изо всех сил гребет в мою сторону.

– Не-а, они мои! – Смеясь, я подвожу сачок к нужной точке, подхватываю пропажу и тяну к себе.

– Отда-а-ай! – Визжит Аня, поднимая десятки брызг.

Вода с сачка падает ей на лицо, заставляя девушку буквально кипеть от негодования. Я подтягиваю к себе рукоять и заглядываю внутрь сетки. Вижу тончайшие ажурные трусики и почему-то, как идиот, боюсь даже взять их в руку.

Чувствую, как покрываюсь краской от шеи и до кончиков ушей.

– Давай их сюда! – Шипит Солнцева, подплывая к бортику. Ладонью зачерпывает воду и обрушивает брызги на меня.

Я успеваю вовремя отскочить, и лишь несколько капель падают мне на нос и на голую грудь. Аня смущена, но ее улыбка от уха до уха словно дает мне зеленый свет. Набравшись наглости, я подцепляю ее нижнее белье пальцем, а девочка в этот момент оглядывается – видимо, стесняется посторонних глаз.

Я подхожу ближе и сажусь.

– Быстро давай их сюда! – Рычит она.

– Одно желание. – Показываю ей краешек трусов и быстро убираю за спину вместе с сачком. – Всего лишь одно.

Мне нравится флиртовать. Хм, оказывается, это очень весело. Хотя... грань очень тонкая. Если бы Аня не улыбалась, это называлось бы издевательством.

– Иди в пень, – хохочет она и протягивает руку. Трясет ею, ожидая, что верну ей потерянную вещь.

Но я не спешу этого делать. Мне вообще не хотелось бы отдавать ей белье: нестерпимо хочется сорвать с Ани и все остальное.

– Всего одно ма-а-аленькое желание. – Показываю пальцами. – Во-о-т такусенькое.

– Слушай, Суриков. – Она прищуривается, и я вдруг понимаю, что вряд ли увижу в жизни что-то прекраснее этих

темно-синих глаз и спутанных мокрых волос цвета льна, накрывающих ее голые плечи. – Если ты сейчас же мне их не отдашь, – говорит Аня, возвращая к реальности, – я выйду из бассейна прямо так! Веришь?

Она не шутит. И понимает, что я понимаю это. Мы оба «без башки» – что нам стоит прогуляться голыми перед публикой? Но одно дело Солнцева, другое – *моя девушка Солнцева*. Такого я допустить не могу.

– Вот стерва! – Усмехаюсь, выуживаю из сачка мокрые насквозь стринги и неохотно протягиваю ей.

– Ха-ха! – С видом победителя Аня хватается за трусы и утягивает их под воду, чтобы надеть.

Уязвленный, я иду наполнить наши стаканы.

– Юбка в хлам, топ весь намок, – жалобно скулит Солнцева, когда я возвращаюсь и ставлю их на землю. – Может, принесешь мне что-нибудь из дома накинуть?

– Например? – Я усаживаюсь на траву возле бортика. – Принести фартук с кухни? Будет смотреться шикарно.

Она накрывает меня очередной волной из брызг, я ловлю их языком.

– Нет!

– А что тогда? Прикажешь порыться в комнате у родителей Димы? Вдруг там найдется костюм развратной медсестры или училки?

– Да нет же! – Аня прислоняется к бортику и кладет подбородок на руки. Ее кожа покрыта мелкими мурашками. –

На первом этаже при входе есть встроенные шкафы, там, где все раздевались. Найди что-нибудь подходящее, возьмем напрокат. Здесь все вокруг уже «на бровях», им не до разборок.

– Как скажешь. – Протягиваю ей стакан, встаю и направляюсь в дом.

Внутри музыка звучит еще громче, почти закладывает уши. Кажется, кто-то орет в микрофон. Караоке? Надеюсь, да: голос надрывный, визгливый, и его обладатель совершенно не дружит со слухом.

Я прохожу в гостиную. На диванах расположилась веселая компания, девчонки скандируют: «Ник! Ник! Ник!» Посередине стоит стол, на котором целая батарея пластиковых стаканчиков. Два парня, кудрявый и рыжий, поочередно кидают пустой контейнер от киндер-сюрприза друг другу в пиво.

Кто попадает, вынуждает противника выпить содержимое стакана до дна – это чертов бирпонг. Стараюсь обойти их стороной: не хватало еще получить вызов от незнакомцев. Я едва ли не ощупываю стены в поисках шкафа, и, наконец, нахожу его за огромным зеркалом. Открываю, сдвигая створку в сторону, внутри обнаруживается верхняя одежда: многочисленные пальто, цветастые плащи и даже шубы. Вот же блин.

Не обыскивать же мне теперь весь дом? Выбираю скромную меховую жилетку (Аня ведь мерзнет там), снимаю с плечиков и с вороватым видом прижимаю к себе. «Это просто напрокат. На время. Мы аккуратненько, а потом вернем на

место».

– Это ты своей девушке? – Вдруг раздается женский голос из-за спины.

– Эм... – Я оборачиваюсь и вижу перед собой ту хорошенькую блондинку, что представилась Лесей на танцполе. Теперь при свете ламп мне удастся разглядеть ее лучше: девушка примерно моего роста, крепкая, с тонкой талией и крутыми бедрами. На ее губах ярко-красная помада, волосы растрепаны и небрежно убраны за уши. Она одета в рваные черные джинсы и растянутую белую майку, открывающую все части тела, которые только можно открыть, и под ней видны очертания того самого, что вообще-то должно быть в первую очередь скрыто от посторонних глаз. – П-привет.

Я отворачиваюсь, бормочу что-то, пытаюсь закрыть шкаф, и моргаю, чтобы не пялиться снова на ее буфера в отражении зеркала.

– Красивая.

– Да. – Отвечаю я, имея в виду свою Аню.

– Жилетка, – вдруг уточняет девушка. – Красивая. Это норка?

– Прости, мне нужно бежать. – Спыхватываюсь я и, пытаюсь не задеть незнакомку, разворачиваюсь и быстро ухожу.

«Где я бросил свою футболку?»

Сияясь вспомнить это, бреду куда-то, пока не натыкаюсь на прозрачную дверь. Толкаю ее и оказываюсь на балконе. Знакомый шум и плеск воды. Подхожу к перилам и смотрю

вниз. Невысоко. До бассейна, если оттолкнуться хорошенько, допрыгну.

– Хэй! – Зову Аню и машу ей рукой.

Она, задрав вверх голову, таращится на меня. Скидываю ей вниз жилетку, та приземляется ровно у бортика.

– Что это? – Удивляется девушка.

– Это тебе.

Солнцева щупает мех и крутит пальцем у виска.

– Проще ничего не мог найти?

– Нет!

– Спускайся!

– Я уже!

Залезаю на перила и вытягиваюсь во весь рост.

– Ой, нет-нет-нет, – причитает она внизу. – Ма-мочки-и-и-и!!!

Но я уже отталкиваюсь и лечу бомбочкой вниз, со свистом рассекая воздух. Перед погружением слышу испуганные вздохи со всех сторон и ныряю в тишину воды. Она холодная, почти ледяная, принимает меня, как родного.

Вместо радости, что еще жив, вдруг приходит мысль: «Мне бы сейчас тоже пригодилась шуба». Проверяю – брюки на месте, отталкиваюсь и с довольным видом выныриваю.

Первое, что вижу – полные страха и ужаса глаза Ани над поверхностью.

– Ты чего так долго не всплывал? Я ужасно испугалась, думала, ударился! – Она сидит на краю в одном топе и стрингах, совершенно позабыв о принесенной мной жилетке. Наклоняется к воде и радостно выдыхает.

– Это же обалдеть! – Кричу я, подплывая.

– Вот я и обалдела... – Качает головой Аня.

– Псих! Паха, ты конченный псих! – Подает руку подошедший Ярик и помогает вылезти. – Надеюсь, кто-нибудь успел заснять? – Он обращается к собравшейся возле нас толпе. Но все уже устремили свои взгляды налево: там четверо ребят тащат здоровенный батут. Устанавливают на край: видимо, для прыжков в бассейн. – Точно кто-то шею сегодня свернет!

Аня, смущаясь обращенных к ней взглядов, поспешно кушается в жилет. Переживает, что все сейчас будут рассматривать ее голые ягодицы, но толпе уже все равно – народ, сопровождая свои действия визгом, бросается к батуту.

Ярик подает мне футболку. Я надеваю ее прямо на голое тело, и ткань тут же прилипает к коже. Не успеваю ничего сказать, как к нам подбегают какие-то девчонки:

– Где Дима?!

– Его нет, скоро будет.

– Кто за старшего? – Спрашивает одна из них.

Пожимаю плечами:

– Я, наверное.

– Иди, там за воротами полицейские. Требуют хозяев, кто-

то из соседей пожаловался на шум во дворе.

– Ясно. – Я поворачиваюсь к Ане. – Жди меня здесь, хорошо?

– Хорошо, – взволнованно кивает она.

– Пошли, – говорю я Ярику, и мы вместе спешим к калитке.

Аня

На улице уже темно. Я крадусь к воротам, тихо ступая по ровному газону босыми ногами. На мне меховой жилет поверх сырого белья. Я похожа на пушистого хомячка – идеальный образ для маскировки и слежки. Вдруг парням понадобится моя помощь?

За кусты не прячусь. На неосвященном участке территории в этом одеянии я сливаюсь с окружающей средой. Оборачиваюсь к дому: в окнах видны фигуры веселящихся людей в лучах светомузыки. Про звуки, доносящиеся со двора, промолчу – поросычий визг просто песня для ушей по сравнению с толпой пьяной молодежи. Просили же их заткнуться! Так в чем же дело?

Подойдя ближе, я вижу, как Паша собирается с духом и открывает калитку. Наверное, Дима на его месте волновался бы меньше, ведь деньги решают если не все, то многое. Но Калинина сейчас рядом нет, ровно, как и денег его отца. Интересно, как выйдет из ситуации мой Суриков?

– Добрый вечер, – раздается приятный баритон. – Лейтенант Гунько.

– Здравствуйте, – как-то не очень уверенно мычит в ответ Пашка. Крутит головой, выглядывает на улицу. – А... вы один?

– Да. – Спокойно отвечает голос.

– Проходите, – приглашает Пашка и отходит в сторону.

Ярик продолжает стоять, словно истукан. На что он там усталился?

В эту же секунду на территорию усадьбы щупленький мужчина в форме вкатывает свой старенький велосипед, на руле которого закреплен фонарик-мигалка, и ставит его к стене.

– А где патрулька? – Наконец, выдает Ярослав, заставляя меня вздохнуть.

Вот же пьяный дурень...

Мужчина поправляет фуражку:

– Поступила жалоба. Вы нарушаете общественный порядок, соседи жалуются на шум. – В этот момент из-за дома раздается очередной «бултых» и следом дикий хохот. Лейтенант поворачивается на звук, и мне удается его лучше рассмотреть: худой мужичонка лет сорока с усталым взглядом. На нем китель, великоватый на пару размеров, и отутюженные до скрипа брюки со стрелками. – Чем занимаетесь, молодые люди?

– Отдыхаем. – Не теряется Пашка. – Все по закону, не переживайте.

– Так почему же в неположенное время?

– Как неположенное? – Суриков хватается Ярика за руку и глядит на его часы. – Без пяти одиннадцать! У нас целых пять минут в запасе!

– Здесь все совершеннолетние? – Тянет шею служитель закона.

– Да-а, – уверенно мычит Суриков. – Желаете убедиться?

– Я останусь, чтобы убедиться, что через пять минут все закончится.

Суровый какой. Парни озадаченно переглядываются.

– Может, договоримся? – Вдруг предлагает Ярик.

– Молодой человек, – выдыхает мужчина возмущенно, – я на службе, и...

– По пият грамм? – Не сдается Пашка. И вдруг я замечаю тень сомнения в глазах лейтенанта. Суриков хватается за нее, как за спасительную соломинку. – Махнем?

– Не... Я пить бросил, мне нельзя. – Сглотнув слюну, почти шепчет полицейский.

Кажется, удалось нащупать его слабое место, и я беззвучно, как ночной ниндзя, бросаюсь обратно, к бассейну. Густая растительность и мои верные товарищи по оружию – кусты рододендрона прикрывают меня со всех сторон. Где нужно, нагибаюсь, где необходимо – ползу. И вот, скрывшись за поворотом, уже почти бегу.

Не знаю уж, что подумали парнишки, расположившиеся в шезлонгах, когда к ним подбежала странная тетя в короткой шубе без рукавов, но они лишь приоткрыли рты, когда я схватила у них бутылку виски и пластиковые рюмки, а один из них даже выронил изо рта косяк. «Кос... что?»

– Охренели совсем! – Ворчу я, надевая тапки одного из

них и затапывая самокрутку. – Там мент у ворот, а они травку курят. Придурки!

И не давая им опомниться, снова ныряю в кусты, но уже с добычей в виде бутылки и стаканчиков. Прижимаю к себе трофеи и торопливо пробираюсь вперед, вспоминая про себя все ругательства, которые мне известны. Тапки сорок-какого-то там размера только мешают ходьбе, но хотя бы трава пятки не колет.

Замираю в пяти метрах от ворот и снова вслушиваюсь в разговор. Комары, словно пикирующие бомбардировщики, штурмуют мои голые ляжки со всех сторон. Я подпрыгиваю на месте, чувствуя, что начинаю потеть и трезветь. Прихлопываю насекомых бутылкой – руки-то заняты.

А парни продолжают уламывать участкового. Я наблюдаю за ними, выжидая подходящий момент.

Пашка, надо заметить, со спины такой красивый и сильный. Как же я испугалась, когда он нырнул! Подумала, как же нелепо: только нравиться начал и уже сдох. Хорошо, хоть вынырнул. И трусы не потерял, как некоторые.

– Пятьдесят-то грамм можно, завтра же выходной! – Продолжает уговаривать участкового Ярик.

В это время я опускаю бутылку на землю и расстегиваю жилет. Взбиваю пальцами и комкаю волосы, сооружая эффект мокрых кудрей. Затем сдуваю пряди, попавшие на лицо, поднимаю с травы бутылку, стаканчики и делаю решительный шаг под свет фонаря.

– Как выпью, сам себе не хозяин, – жметесь служивый и, услышав шум, резко поворачивается ко мне.

Я выскакиваю из кустов, пытаюсь сохранять грациозность – ну, насколько это возможно в шубе и тапках. Протягиваю Пашке аргумент в виде бутылки и делаю удивленный взгляд.

– М-м, а кто этот статный мужчина? Наш гость?

Пока Пашка хлопает глазами, Ярик хватает бутылку и наполняет стаканчик.

– Зд-дравствуйте, – краснеет мужчина, когда я обхожу его, оглядывая со всех сторон.

– Аня, – протягиваю ручку.

Исступленно и вдохновенно хлопаю ресницами, пока он ее жмет – чего не сделаешь ради правого дела. Беру стаканчик и протягиваю ему:

– Выпьте с нами?

– Так я...

– Как же хорошо, что вы пришли! – Буквально силой вкладываю стаканчик ему в руку. – За нас, за вас, за прекрасный вечер!

Я подмигиваю парням. Мужчина пьет, морщится, а Ярик подливает ему еще. Пашка хмурится и недобрый взглядом косится на меня.

– Между первой и второй перерывчик, сами знаете. – Вкладываю ему наполненный до краев стаканчик в ладонь. – Расскажите нам о своей работе? Наверное, очень интересная?

– Я... – Мнется мужчина.

Подхожу к нему близко-близко и снимаю с него очки. У него даже челюсть падает от такой дерзости.

– Ох, как же вам идет без очков! Вот это глазищи! – Участковый часто моргает узенькими, как у крота, глазками. Складываю его толстые окуляры и вставляю ему в ворот рубашки. – Как вы говорили, вас зовут?

– Василий.

– Что это за аромат, Василий? Нет-нет, погодите, дай угадаю. – Припадаю к его груди, едва не касаясь носом шеи, вдыхаю и делаю шаг назад. – Bleu de Chanel?

– Одеколон «Шипр», – смущаясь, словно подросток, прячет глаза лейтенант Гунько.

– Надо же, пахнет мужчиной, тестостероном и... силой! – Скольжу взглядом по его дряблым плечами невзрачному лицу, и мужчина заливается краской.

Пашкин кашель заставляет меня обернуться и сделать самое невинное лицо, на которое только способна.

Паша

Мы сидим на диванчиках в комнате, заполненной страшными звуками, способными убить любовь к музыке у любого человека. В комнате, где все желающие могут выйти на сцену и спеть караоке – что они с удовольствием последние полчаса и делают.

Сидим, терпим и мечтаем свалить.

– Мы с тобой отрываемся или просто боимся остаться наедине? – Шепчу я Ане на ухо.

Она поворачивается ко мне и улыбается. Едва заметно пожимает плечами. У нее тоже нет ответа на это вопрос.

– Говорил ведь! Нельзя мне пить! – Стонет участковый.

Он сидит на диванчике в кителе, рубашке, семейных трусах и длинных черных носках, натянутых чуть не до колен на манер гольфов.

– Вася, тебе хорошо? – Спрашивает Ярик, сидящий напротив.

Гунько оглядывает зал, задерживает взгляд на коротеньких юбчонках танцующих девиц.

– Да-а. – Он улыбается с видом довольного лиса, попавшего в курятник, и машет рукой какой-то брюнетке, стоящей на сцене и пытающейся петь: «Младший лейтенант, мальчик молодой! Все хотят потанцевать с тобой».

Василий дергает плечами в такт и закатывает глаза.

– Вот и замечательно.

– Так глупо вышло! – Он качает головой. – Изымал паленый безакцизный алкоголь, хранил его опечатанным у себя в кабинете. Кто ж знал? Год лежала эта коробка с вещдоками, вот – второй пошел. Все суды прошли, все разбирательства, а она лежала, мне глаза мозолила. Ну, и начал я ее понемногу приходить, а тут проверка нагрязнула, и кранты. Пришлось написать рапорт, ушел по собственному желанию. Восстановиться смог только, когда новый начальник УВД пришел, и то только участковым взяли!

– Вася, давай я тебя сюда хоть садовником устрою? Или охранником? – Предлагаю я. – Получать нормально будешь.

Гунько вскакивает и пожимает мне руку. Участкового поводит из стороны в сторону.

– Хорошие вы ребята. Только скучные! – Он разводит руками, будто собирается вприсядку танцевать. – Да я в ваши годы так отжигал, ого-го! – И бросается к сцене.

Я закрываю глаза.

Комната гудит, все только размялись, и веселье впереди. Аня кладет мне голову на плечо, я прижимаю ее ближе к себе и зарываюсь носом в шелковистые, еще влажные после купания волосы. Они совсем не пахнут химией для бассейна. В них спящие луговые травы, запах цветущих сине-фиолетовых васильков и спелой лесной малины. В них мечты, загадки и тайны, кажется, самого мироздания.

Я вдыхаю и замираю на мгновение, стараясь оставить этот момент в памяти навсегда, запомнить, какими сумасшедшими и веселыми мы были. Выдыхаю медленно, с волнением – гадая, сможем ли мы с ней поладить. Такие одинаковые и такие разные.

Что будет, когда она узнает, что по жизни я ни разу не человек-праздник? Когда поймет, что со мной все просто, приземленно и скучно? Что я не тот, кто сможет веселить ее каждый день и давать эмоции.

Я – совершенно обыкновенный парень. Без грандиозных планов. Боящийся мечтать и привыкший довольствоваться тем, что имею. У меня мама, сестра, старая ржавая восьмерка во дворе и дырявые карманы в джинсах. Но я такой, какой есть, и скрывать этого не стану. И пытаться быть кем-то, кем не являюсь, тоже не хочу. Да и не смогу.

– Прогуляемся? – Аня надевает фуражку, одолженную у Василия.

Ей идет. С меховой-то жилеткой поверх нижнего белья. Я поднимаю руки вверх, будто сдаюсь, и спрашиваю:

– Пистолетик-то у тебя есть?

– Только фонарик, – смеется она, и мы встаем.

Беремся за руки и идем к выходу. Я оборачиваюсь и вижу, как толпа рукоплещет участковому, танцует, качает головой в ритм. Он стоит на сцене в одних «семенах» и бубнит под музыку в микрофон:

– Вокруг шум! Пусть. Так, не кипишуй! Все ништяк! Вокруг шум. Пусть. Так, не кипишуй! Все ништяк!²

² Каста – Вокруг шум.

Аня

Я иду по траве в этих огромных тапках и думаю только о том, как неловко было бы общаться, будь мы трезвыми. Пашка для меня всегда был недостижимой высотой. Два года я смотрела на него украдкой и не решалась сделать шаг навстречу. Потому что он... Добрый, правильный, надежный. И достоин чего-то особенного. Лучшего. Он достоин настоящей любви.

А что я знаю о ней?

Хм. Любовь.

Что это? Привязанность, симпатия или химия чувств? Говорят, это понятие гораздо сложнее и глубже. Пока не почувствуешь, не поймешь.

Не знаю, отчего так совпало, но у меня в бойфрендах всегда были лишь плохие парни. Один оказался жалким любителем травки, второй – смазливый красавчиком с кучей скрытых комплексов, третий – здоровенным детиной с бородой и килограммами мышц, но бесполезным и абсолютно тупым.

Обыкновенные самовлюбленные придурки, недостойные даже того, чтобы я упоминала их по именам. И дело было не в том, что мне всегда хотелось веселья, праздника или быть рядом с кем-то популярным. Просто казалось, до такого, как Паша, я еще не доросла, и нужен кто-то проще. С кем

не нужно быть серьезной, настоящей и сходиться настолько близко, чтобы открывать душу.

На деле же раз от раза оказывалось, что глупым мужчинам не нужны умные женщины. Кому из них охота иметь рядом подругу, которая видит его насквозь? Для которой он – не авторитет? Дерзкие, самодостаточные, с чувством собственного достоинства представительницы слабого пола для таких мужчин – потенциальные соперницы. Им грубостью приходится доказывать, что мы «бабы как бабы» – обыкновенные, такие, как все.

И я была, наверное, достаточно умна, чтобы долго прикидываться дурочкой. Беда, что мне всегда и неизбежно это надоедало, и как итог – сейчас я одна. Мне не хочется обжигаться, и уж тем более делать больно тому, кто рядом.

Пашка... и зачем мы с ним всё это затеяли?

– Ого! – Он отпускает мою руку и куда-то бежит. – Это же кольцо там, вверху! Я его сразу и не заметил за деревом.

Семеню за ним на край двора и вижу небольшую баскетбольную площадку со щитом. Пашка уже там, подобрал откуда-то из травы мяч, прицелился и с лету забил трехочковый.

– Хороший домик у Димы, ничего не скажешь! – Подбегаю и крепко обхватываю мяч ладонями. – Давай в «вопрос-ответ»?

– Это как? – Пашка стоит рядом, делая вид, что хочет отобрать у меня мяч.

– Забываю, ты отвечаешь на вопрос. Промахиваюсь – отвечаю на твой.

– Давай.

Я прицеливаюсь, отталкиваю мяч от груди. Он летит вверх, делает над нашими головами плавную дугу и попадает ровно в корзину.

– Да!

– Весьма недурно. – Усмехается Суриков и идет за мячом.

– Твой любимый цвет?

– Черный.

Я удивленно распахиваю глаза:

– Интересно.

Яркий свет фонаря играет бликами в его глазах.

– Вообще-то, люблю все цвета, но черный универсален.

Передает любое настроение, как и музыка. Транслирует в окружающий мир все, что ты в него заложишь.

– Бросай.

Пашка целится, кидает и попадает в кольцо с пяти метров.

– Отлично! – Хвалю я его. – Почти как трезвый.

– А я и есть. – Он бросает мне мяч. – Твоя любимая песня?

– Хм, – приняв подачу, задумываюсь. – Нет такой. И группы нет любимой, и исполнителя, и стиля... Их слишком много, чтобы выбрать кого-то одного. Похоже на оправдание?

Пашка качает головой.

– У меня также. И все мои любимые песни старше меня раза в два или три.

Я подбегаю к кольцу, но чертовы тапки не дают, как следует оттолкнуться, и до корзины я не допрыгиваю. Эх! Мяч, отскочив от кольца, летит в кусты.

Суриков смеется и идет его искать.

– Твой любимый фильм?

– «Ангелы Чарли»! – Отвечаю, не задумываясь.

– Что? – Брезгливо спрашивает он. – Это старье?

– Честно! – Мне и самой смешно. – Глупо, но правда. Если вижу его по телевизору, не могу переключить на другой канал. Есть в нем что-то волшебное, уж не знаю, что именно.

– Бе-е, – изображает рвоту Суриков, – даю тебе еще одну попытку. Удиви меня.

– Ну-у... «Брат 2». Его тоже могу пересматривать бесконечно, хоть он мне и не по возрасту.

– Ладно, зачет! – Хвалит он и закручивает мяч. Тот крутится в воздухе, а затем ложится ровно в цель. – Чего ты боишься?

Улыбка исчезает с моего лица.

– Взрослеть, – произношу так тихо, словно боюсь обжечься собственным дыханием.

– Этого все боятся. Думал, ты бесстрашная.

– Нет. Боюсь, что так и не узнаю своего предназначения в жизни. Я дала себе это лето на то, чтобы решить, кем хочу стать. Некоторые с детства твердо знают, кем хотят быть: врачами или космонавтами, а я люблю сериальчики в прикуску с вредностями. Что со мной не так?

Паша смеется. Искренне, открыто, и мне тут же нестерпимо щемит душу от нежности. Я останавливаюсь. Что со мной? Все, что я чувствовала к мужчинам прежде было просто влечением, интересом. А это какое-то совсем другое... Первый раз в жизни я начинаю бояться саму себя.

Хватаю мяч, швыряю со всей силы и тот, на удивление, скрутив пару кругов по ободку кольца, вдруг ныряет внутрь.

– Какие девушки тебе нравятся? – Кричу я, отправляясь за мячом.

Это такой трюк, чтобы спрятать глаза.

– Мне нравишься ты. – Не раздумывая, отвечает Пашка.

И это заставляет мой желудок сжаться. Я слышу его шаги за спиной, бросаю мяч и бегу по траве прочь. Суриков несется следом и хохочет. Я оборачиваюсь и ловлю его взгляд. Мне жарко. Нестерпимо жарко. Но я не собираюсь снимать эту шубу ни за какие коврижки, лучше поискать, во что переодеться.

Паша настигает меня возле гаража, разворачивает к себе и прижимает спиной к холодной стене. Он берет мое лицо в ладони и целует меня: так же страстно, сильно и до боли, будто хочет выпить меня до дна. Я таю в его сильных руках, понимая, что теряю контроль над собой и своим телом.

Когда его пальцы сжимаются на моих ягодицах, я вскрикиваю, и это раззадоривает его еще больше. Он лихорадочно нащупывает что-то на стене, нажимает, и дверь в гараж внезапно отъезжает вверх. Я чуть не падаю, но Паша в послед-

нюю секунду успеваает меня подхватить.

Мое тело горит, я в бреду. Мне все равно, где и как мы это сделаем: он нужен мне прямо сейчас. Я жду, когда Пашка втолкнет меня внутрь помещения, но его горящие губы вдруг соскальзывают с моих и замирают. Я открываю глаза и сквозь туман пытаюсь проследить за его взглядом. Он направлен на мощный черный четырехколесный агрегат, стоящий прямо у входа и сверкающий своей новизной.

– О-о-о, – выдыхает Паша, отпуская мою талию. – Вот это конь.

Эх, мужчины ...

Я недовольно стону и кутаюсь в жилет. Нет. Ну, нет же. Почему именно сейчас? Будьте прокляты, все производители квадроциклов! Знайте, вы обломали мне один из самых захватывающих моментов в жизни!

Паша

Прошу, конечно, прощения, но это мечта каждого мальчишки. Детская глупая мечта, заставляющая в предвкушении дрожать колени и потеть ладони. Помню, абсолютно также загорались глаза, когда мама дарила на Новый Год солдатиков или обещала купить игрушечный танк за то, что схожу полечить зубы к стоматологу. Ощущения почти такие же.

Забыв о пожаре в брюках, я отпускаю Аню и быстро подхожу к квадроциклу. Девушка за моей спиной разочарованно вздыхает, но так даже лучше. Я-то знаю.

Она не заслужила грязного гаражного секса, как бы мне того не хотелось. Солнцева – не девица на одну ночь. И уж тем более не Лида, бухгалтер из универа, которая беззастенчиво закрывала дверь на щеколду всякий раз, стоило мне появиться у нее в кабинете. От воспоминаний об этом меня снова передергивает.

Я уже месяц ее избегаю потому, что самому от себя противно. И дела с учебой, как следствие, складываются теперь не самым лучшим образом, но ничего не поделать. Все отныне будет по-другому. Я так решил. Мне есть ради чего жить. Мне хочется касаться только девушки, которую люблю. У меня есть Аня.

– Вот это я понимаю, машина, – обходя меня слева, она указывает на «гелик» Юрия Палыча, отца Димы. – А это

что? – Солнцева морщится, глядя на квадроцикл. – Изящный способ свернуть себе шею?

Я кладу руки на руль.

– Прокатить тебя? – Спрашиваю не своим голосом, словно во сне.

– Лучше на этом. – Аня смеется и тычет пальцем в «гендваген».

– Не-е-е, – прыгая на сидение квадрака, усмехаюсь я, – я ж не смертник! Случись чего, до самой смерти не расплачусь, даже если почку продам. Даже если обе!

– Тогда, может, пойдем в дом?

– Садись, прокатимся! Не бойся. – Я поворачиваю ключ и нажимаю кнопку зажигания. Раздается самый прекрасный на свете звук. Он отдается в ушах утробным рычанием голодного зверя и легкой вибрацией, согревающей ладони. «Сейчас соображу, как тут все устроено: слева сцепление, справа газ. Где тормоза? Вот они, родимые». – Давай, не ссы!

– Ты самый галантный кавалер из всех, кого я знаю. – Закидывая ногу и устраиваясь сзади, хихикает Аня.

Мех на ее жилетке щекочет мне спину. Я дотягиваюсь до пульта, лежащего справа на полке, жму наугад кнопки, и ворота, выходящие на улицу, начинают раздвигаться в сторону.

– Если бы у меня было семь жен, – протягиваю ей шлем, взятый там же, на полке, – ты была бы самой любимой.

Она прокашливается.

– Какой-то сомнительный комплимент.

– Ладно. Самой-самой любимой из всех семи жен, – смеюсь я.

– Ха-ха. Как смешно. – Аня вертит в руке шлем и кладет его обратно. – Не хочу портить прическу.

– А голову ты, значит, повредить не боишься? – усмехаюсь я и плавно трогаю с места квадроцикл.

Солнцевой не остается ничего другого, как вскрикнуть и крепко обхватить меня руками.

Мы выезжаем на улицу, освещенную одиноким диском луны, и мчим прочь от дома. Стараюсь сильно не разгонтаться: нам и так достанется от Димона и за разгул, превративший мирную вечеринку в гнездо разврата, и за пьяного участкового, разгуливающего по усадьбе в трусах, и за басейн.

Мы едем по длинным ночным улицам, притихшим и полупустынным. Вдыхаем полной грудью свежий речной воздух, свободу и саму молодость. Мне так хорошо, как не было никогда. Чувствую, что и Ане тоже.

Свернув на набережную, я проезжаю вдоль реки, где в это время еще полно гуляющих парочек и веселых компаний. Как только чувствую, что Солнце расслабляет руки, прибавляю скорости, заставляя ее ухватиться за меня изо всех сил, потом опять сбавляю – ощущаю ответственность за нас обоих и не хочу рисковать.

Когда мы возвращаемся в нужный район и поворачиваем на ту самую улицу, Аня визжит, подбадривая меня, и я с ве-

терком доставляю ее до коттеджа Димы. Заезжаю в гараж, останавливаю квадроцикл и глушу мотор.

– Вот это да! – Воскликает она, прыгивая. – Это было... круто!

Ее волосы спутаны, взлохмачены и свисают по плечам сосульками. И все равно, это самое прекрасное, что я когда-либо видел. На секунду теряю дар речи, но вновь обретаю, как только ее губы касаются моих. Скользят, замирая на секунду, и прижимаются крепче. Ее руки в это время нежно гладят мою спину, и я моментально дохожу до критической точки и уже готов взорваться. Отпускаю руль и прижимаю ее к себе.

– Проверим, вдруг Машка уже вернулась? – Спрашивает Аня, оторвавшись от меня.

Вскакиваю, беру ее за руку, и мы бежим в дом.

– Ничего себе... – застываю на пороге, внезапно ошалевший от увиденного.

Повсюду горы одноразовой посуды, разбросанные по полу конфетти, пустые бутылки, мусор и окурки.

– Все, ребята, всем пора домой! – Огорченно изрекает Солнце и толкает какого-то парня, мирно спящего на диване со стаканом в руке. – Слышите? Все! Конец вечеринки, расходимся!

Но мало кто реагирует.

Следующие минут двадцать мы выталкиваем совершенно пьяных парней и девчонок за дверь. Некоторые из них несут на плечах своих товарищей, другие просто ползут к выходу

полураздетые. Музыка вырубает. Ярик с друзьями собирают аппаратуру и инструменты, загружают в припаркованный за воротами микроавтобус. Они выглядят приличнее остальных: бодрые и способные еще ясно соображать. Убеждаюсь, что их водитель трезв, жму ему руку и машу на прощание. Возвращаюсь и застаю Аню посреди пустого танцпола.

Она стоит в чужих тапках на полу, покрытом осколками бокалов и чьей-то рвотой. Вид у нее такой, словно саму сейчас вывернет. Мы открываем окно. Во дворе та же картина: бассейн будто стихийное бедствие пережил. Несколько ребят, покидают его, по пути собирая недопитое спиртное – видимо, на дорожку.

Мы идем в гостиную. Аня подбирает разбросанные возле пустого шкафа плечики. На одно из них вешает жилетку. Сама находит какой-то халат, надевает и туго перевязывает на поясе. Я поднимаю глаза и вижу болтающийся на люстре лифчик.

– Вау... – Обнимаю подругу за талию. – Итак. С чего начнем уборку?

– Сдурел? – Хмыкает Аня. – Здесь клининговую компанию нужно вызывать, они и то сутки провозятся!

– Хотя бы сколько-то успеем убрать.

– Да ну, мне проще свалить! – Смеется она.

Я смотрю на нее, удивленно распахнув глаза, и вдруг понимаю, что Аня не шутит. И тут мы вместе начинаем хохотать.

тать. До слез, сгибаясь от смеха. Мы ужасные люди. Ужасные-ужасные. Гадкие. Очень гадкие.

– Требую продолжения банкета! – Вдруг торжественно провозглашает Солнце и хватает открытую бутылку шампанского со столика.

– Поехали! – Я беру ее за руку и веду за собой.

– С парнем, у которого такой пресс? – Хихикает она, поправляя халат. – Да хоть на край света!

В таком виде мы ловим такси и едем ко мне. Таксист всю дорогу поглядывает в зеркало заднего вида на странную парочку, но молчит. А мы смеемся, не останавливаясь. Аня в огромном красном халате, я в одних штанах. Она с бутылкой, а я с мыслями о том, что мама сегодня ночью на смене в больнице. О таком счастливом стечении обстоятельств еще вчера я не мог даже и мечтать.

Аня

– Это самое странное, что я когда-либо делала. – Говорю я, повернув ключ в замке.

В темноте подъезда слышны лишь лязганье замка и звонкие щелчки. Крепко держу Пашку за руку в попытке не упасть. Волнуюсь, ведь десятки раз была здесь, но приходила к подруге, а не к ее брату.

– Почему? – Открывая дверь и пропуская меня вперед, спрашивает он.

– Ну, как же. – Делая несмелый шаг и останавливаясь, чтобы прислушаться, отвечаю я. – Чужой халат, огромные тапочки, на голове аккуратно свитое кем-то гнездо, и в таком виде я крадусь к вам в квартиру посреди ночи. Не странно?

– Совсем немножечко. – Суриков отпускает мою руку.

– Что самое странное ты делал в последнее время?

Паша закрывает дверь и на цыпочках проходит по коридору.

– Не знаю, надо подумать. – Он включает свет в комнате сестры, убеждается, что там никого нет, и снова выключает. Идет в мамину спальню, проделывает то же самое. – Покупал Машке прокладки. И то это было больше весело, чем странно.

Мы снова в темноте. Я слышу его голос из противополож-

ного конца коридора, ставлю бутылку на полку, снимаю тапки и иду навстречу.

– Ты? Покупал? Сам? – Развязываю халат. – Ни за что не поверю.

– Еще и советовался с продавцами.

– Не стеснялся?

– Говорю же, весело.

– Даже не знаю, как мне на это реагировать.

– Посмейся вместе со мной, – предлагает он.

Его голос совсем близко. Еще шаг и...

– А ты... бесстрашный. – Выдыхаю я.

Наконец, его руки крепко обхватывают мои предплечья.

Я испуганно замираю.

– Ну, привет, – говорит Паша.

– Привет, – кладу ладони ему на грудь.

От его кожи исходит настоящий жар, как тот, что жарким летним днем плавит асфальт. Мне хочется касаться его тела снова и снова, мои ноги предательски слабеют.

– Я уже успел соскучиться. – Он наклоняется так, что я почти чувствую, как соприкасаются наши ресницы.

– Чем докажешь?

Снова бросаю ему вызов, желая только одного – чтобы мы скорее слились в сладостной борьбе, но Паша просто целует меня. Делает это трепетно и нежно, словно собирает росу с лепестков утренней розы. И это очень неожиданно, потому действует на меня безошибочно – будто выстрел вдруг попа-

дает в цель.

Я ощущаю слабость: мое тело тает, а душа несется куда-то вверх, выше и выше. То, чего я так долго боялась, уже близко, и оно оказывается необычно приятным и желанным. Я чувствую это, когда халат медленно падает к моим ногам, сброшенный легким и будто случайным движением его рук.

Чем дольше мы целуемся, тем настойчивее и глубже становятся наши поцелуи. Мне хочется, чтобы это не заканчивалось никогда. Хочется сказать ему, что я чувствую, показать это своими движениями, рассказать о том, как сильно хочу Пашу, и о том, что больше не боюсь этого.

Мне хочется принадлежать только ему, и я послушно отдаюсь силе его крепких рук потому, что знаю, это – именно то, что мне нужно. То, чего всегда хотелось. Быть с ним, дышать одним воздухом, принимать друг друга, не боясь открыться полностью.

Я делаю встречное движение, но Паша вдруг отступает в темноту и тянет меня за собой. Плохо ориентируясь в пространстве, я все же догадываюсь, что мы направляемся в его комнату, залитую серебристым лунным светом. Крепко держусь за его руку и иду следом. Через пару секунд мы останавливаемся у кровати, поворачиваемся и начинаем с диким остервенением сдирать друг с друга одежду.

На пол летят его брюки, мой топ и наше нижнее белье. Мы стоим, обнаженные, и почему-то боимся теперь даже прикоснуться друг к другу. Я дышу хрипло и часто, и думаю

только об одном: «Скорей бы». Все бы сейчас отдала за то, чтобы прекратить эту пытку, и вдруг это происходит.

Пашка берет в ладони мое лицо и целует. И я хочу, чтобы он отныне был только моим. Моим. Мы горим и превращаемся в одно большое пламя. Ноги с ногами, живот к животу, голая грудь к голой груди. Срастаемся и пылаем, как чертовы факелы, желая сгореть дотла от родившегося между нами огня.

– Аня, – шепчет он в перерывах между поцелуями.

У меня перехватывает дух, но я слышу свое имя снова и снова. А, может, он говорит что-то еще, мне трудно разобрать. Меня захватили ощущения: кожа горит под сильными ладонями. Спина, поясница, ягодицы, бедра – мне хочется, чтобы он наполнил меня собой, ведь каждое прикосновение теперь ранит сильнее ножа.

Я стону, когда его руки прижимают меня к себе. Задыхаюсь от желания, понимаю, что готова умолять его прекратить эту пытку. Впиваюсь губами, а затем и зубами в шею, притягиваю его к себе сильнее. Впиваюсь ногтями. Теряю способность соображать, говорить. Понимаю, что не смогу больше сдерживаться.

Толкаю его на кровать и сажусь сверху. Захватываю его руки над головой, делая Пашку совсем беспомощным. Наклоняюсь, касаясь его голой груди, и прикусываю его разгоряченные губы. Грубо, бездумно, не в силах сдерживаться и, кажется, даже ощущаю привкус крови во рту.

– Прости...

Его ладони вдруг перехватывают мои запястья и больно сжимают, заставляя вскрикнуть. Он делает это, перехватывая инициативу. Сильнее притягивает меня, буквально укладывает на себя сверху и отпускает, требовательно оглаживая спину и задерживаясь ненадолго на талии. Как раз то, что нужно. Я втягиваю ртом воздух, стараясь не задохнуться. Позволяю его рукам приподнять меня. Вижу желание в его серых пронзительных глазах.

– Ты сводишь меня с ума, – шепчет Паша, и на его лице отражаются все чувства разом. Страсть, радость, любовь, восхищение. И желание – нестерпимое, дикое, яркое.

Пальцы сами скользят по его груди, губы приоткрываются в шумном выдохе. Чувствую, как он дрожит. Я дышу часто, ощущая всей кожей жар его тела. В это мгновение он обхватывает меня за талию и одним резким движением усаживает на себя. Ох! Я ударяюсь о его сильные бедра и словно ухожу в свободное падение. Плыву в волнах ощущений, окунаюсь в его тепло, боюсь сделать даже движение, чтобы не отпустить этот сладкий миг нашего первого раза.

Лечу... И вдруг, будто придя в себя после этого неожиданного полета над пропастью, приподнимаюсь и начинаю двигаться быстро и яростно, вцепляясь дрожащими пальцами в его грудь. Быстро, еще быстрее, до помутнения рассудка. До капель пота, появившихся и почти явно ощущаемых мною на собственной спине. До тихих стонов, начавших срываться

с наших губ.

Мы становимся одним целым на мгновение и почти взлетаем вместе в небеса, как вдруг звук открывающейся двери возвращает нас в реальность. Я замираю на секунду и тут же соскакиваю, пытаюсь руками выдрать из-под Пашки простынь, чтобы укутаться.

Нет! Этого не может быть! Может, нам это послышалось? Но тут в коридоре раздается хлопок.

– Да ла-адно, – стонет Пашка, подпрыгнув на кровати.

– Что? Кто? Как?! – Шепотом кричу я, в панике дергая за уголок одеяла.

Успеваю лишь прикрыть нижнюю часть туловища, когда вдруг зажигается свет в прихожей. Дверь в комнату мы, конечно, не закрыли, и поэтому оказываемся во всей красе перед глазами Елены Викторовны, их с Машей мамы.

Пашка успевает прикрыться подушкой, и пока я размышляю, упасть мне или отвернуться лицом к стене, притворившись мертвой, женщина становится свидетелем этой неприглядной сцены. Вот же блин...

– А... Аня... – Словно не веря своим глазам, произносит она.

– Тетя Лена... – Натягивая простынь на грудь, мычу я. – Здравствуйте.

Женщина смущенно опускает взгляд в пол и замечает разбросанную повсюду одежду, где среди прочего валяются мое нижнее белье и трусы ее сына.

Елена Викторовна густо краснеет.

– Мама! – Кричит Паша. – Постучать не могла?!

– Куда? К себе домой? – Отворачиваясь, говорит она. – Мог бы и закрыть двери, если собрался...

И так и не договорив, уходит на кухню.

– О, Боже, – бормочу я. – Какой стыд!

Что может быть хуже этого? Вот дерьмо! Я лихорадочно прыгиваю и дрожащими руками начинаю собирать с пола свою одежду. Точнее белье, потому что другой одежды у меня нет.

– Аня, стой! Все нормально. – Пытается успокоить меня Суриков. – погоди ты!

Он касается меня руками. «Ох, не нужно». Я все еще чертовски возбуждена, но мне не хочется ни продолжать, ни просто оставаться здесь. Мне больше, наверное, никогда не удастся спокойно смотреть его маме в глаза. Так и вижу эту картинку: мы голые, и она с открытым от изумления ртом. Ужас!

– Ты же говорил, что она на смене! – Я убираю волосы за уши. – Принеси мне что-нибудь из Машкиной одежды, пожалуйста.

– Куда ты сейчас пойдешь? – Хмурится Паша, встает, натягивает боксеры, затем джинсы. – Я тебя никуда не отпущу.

– Иди быстро!

Пока он возится в соседней комнате, я зачем-то застилаю постель, постоянно оглядываясь на дверь, и репетирую «по-

керфейс». Получается плохо.

– Не знаю, почему она вернулась так рано. – Говорит Паша, протягивая мне толстовку и джинсы. – Пойду, поговорю с ней.

Пытаясь втиснуть в чужую одежду свой зад, я лихорадочно соображаю, как быстрее и незаметнее свалить отсюда. Может, через окно?

– Солнцева, я тебя не узнаю. Не все ли тебе равно? – Спрашиваю сама себя. – Меня застучали обнаженной, как самую развратную шлюшку... О, Боже... И кто? Мама подруги! Как мне может быть все равно?

Я бегаю по комнате, пытаюсь привести мысли в порядок. Сажусь на стул, обхватываю голову руками. А через секунду они оба возвращаются в комнату. От взгляда на Лену Викторовну у меня неприятно холодит спину, но женщина выглядит спокойной и даже пытается улыбаться.

– Анечка, – вежливо произносит она, – с нашим папой очень плохо. Нужно срочно ехать. Если ты не против, закинем тебя по пути домой, хорошо?

– Нет, я сама доберусь. – Закусив губу, бормочу я. – Дойду пешком.

– Нет-нет, мы увезем.

Я смотрю на Пашу. Он подмигивает мне, берет со стула футболку и надевает. Вот и правильно – от взгляда на его голую грудь мне становится еще хуже.

– Простите, – снова обращаюсь к его матери. – Мне жутко

неловко, что так получилось...

– Ничего, – устало выдыхает женщина, – надеюсь, в следующий раз увижу тебя в одежде.

Уголки ее губ приподнимаются в улыбке, и мне становится легче. Возможно, через какое-то время мы с ней сможем общаться как прежде.

Когда она выходит за дверь, Пашка сразу же хватается за талию и прижимает к себе.

– Что же ты делаешь со мной, Суриков? – спрашиваю я, и он меня целует.

Когда мы размыкаем губы, Пашка гладит меня большим пальцем по щеке.

– Ты же знаешь, я не хочу с ним общаться, – это он про отца, который оставил их с сестрой, когда обоим было по десять лет, – но пообещал маме. И чего я такой добрый стал в последнее время? Не знаешь?

Он буквально держит меня взглядом. Вот это силища. Я, кажется, даже не моргаю, а сердце опять скачет куда-то диким галопом.

– Потерпи уж. Вдруг он помирать собрался? Ой, прости. В смысле... Поговори с ним, выслушай, не груби. – Забираюсь пальцами в его волосы. – Отец ведь. Мне вот еще хуже: я своего вообще никогда не знала.

Паша обнимает меня и гладит по спине:

– Прости.

– Ничего, привыкла. – Я пожимаю плечами. – Его вроде

и не существовало никогда.

– Мы... встретимся завтра? – Паша бросает взгляд за окно. – То есть, сегодня уже.

– Ты хочешь? – Вижу, как его глаза плывут от желания.

– Еще спрашиваешь. – Он прижимает меня к себе так крепко, словно боится потерять. Или хочет раздавить – что тоже возможно, когда испытываешь такие сильные чувства. – Я буду считать минуты до нашей встречи.

Я целую его в нос, затем в щеку, скольжу ниже и впиваюсь в губы.

Паша

– Сынок, – тихо произносит мама, когда мы останавливаемся у нужного дома.

На самом деле перед нами старый трехэтажный барак, один из нескольких, оставшихся в центре города. Их обещали снести лет двадцать назад и с тех пор даже ни разу не ремонтировали.

Через приоткрытое окно в салон вползает сладковатый запах гнилья и помоев. На улице уже светло, но местные пьянчуги на лавочке и не думают прерывать веселье, начатое еще, вероятно, накануне.

– Мам, – я поворачиваюсь к ней. Мы, наверное, первый раз за десять лет беседуем вот так, тихо и спокойно, и, что самое главное, глядя друг другу в глаза. – Я уже взрослый. Я – мужчина. Извини, что так получилось, но не нужно вот этого всего, не стоит портить все своими нравоучениями.

Ее большие, красивые глаза слезятся.

– Ты для меня навсегда останешься мальчишкой.

– Мам, все хорошо, – я похлопываю ее по руке, – мы с Аней встречаемся. Я ее люблю, она – хорошая девушка. Тут не о чем волноваться.

– Какая же я, видимо, старая... – Она переводит взгляд на дом напротив. – Сами разберетесь. Ладно. Ты же все знаешь про контрац...

– Ма-а-ам! – Стону я, покрываясь краской с головы до пят, и вдруг понимаю, насколько беспечными мы с Аней были. Уставшие, одурманенные друг другом. Мне не хотелось тратить время на поиски резинки, которая должна была лежать в кармане одних из джинсов. Неизвестно, которых именно. Секса у меня не было давно, так что соображал я тогда не башкой, а явно каким-то другим местом.

Распечатываю новую жвачку, закидываю в рот и вздыхаю.

– Ладно, – мама нервно щелкает пальцами, и мне хочется обнять ее, несмотря даже на то, что сержусь из-за отца. – Пойдем. Звонили его соседи, тянуть дальше нельзя. Ему нужно сдаваться в больницу, но он ждет своих детей, чтобы поговорить. Машу еле вызвонила, надеюсь, тоже придет.

– Пойдем. – Ворчу я, вылезая из машины.

– И еще, Паш... – Она выходит и закрывает за собой пассажирскую дверь. – Спасибо, что согласился.

– Угу, – киваю я ей и направляюсь к подъезду.

Не будь этой неловкой, да что там, совершенно чудовищной ситуации, произошедшей с нами меньше часа назад, я ни за что бы не согласился прийти к отцу, который бросил нас десять лет назад, будто ненужную вещь. Мне даже слышать про него никогда не хотелось.

Сжав руки в кулаки, я прохожу мимо компании выпивох, расположившихся возле подъезда на лавочке. Смачно сплевываю в траву, едва почувствовав запах мочи и немытого те-

ла.

– Есть щигаретка? – Говорит один из них, щуплый и мятый, в замызганной телогрейке, надетой на голое тело.

– Не курю, – выдавливаю я, бросая на него брезгливый взгляд.

– Щигаретка, – повторяет он, подаваясь в мою сторону. Тянет руку, пытаясь ухватить за рукав.

– Да не курю я, отстань, – выставляя вперед локоть, рычу угрожающе.

– Паша, – просит мама.

Я пропускаю ее вперед и иду следом.

– Может, рублей десять ещть? – Слышится за спиной.

Еле сдерживаюсь, чтобы не обернуться и не выругаться. Жаль бедную мать, она в последнее время только и слышит от меня, что грубости.

Поднимаемся по скрипучим изгнившим ступеням. Дверь в нужную квартиру не заперта, внутри тихо. И я уже начинаю жалеть, что не курю. Хотя даже сигаретный дым не смог бы скрыть собой запахи тлена, сырости и кислого, полуразложившегося мусора, стоящие в помещении.

Обувь не снимаю. Мне не хочется ступать белыми носками на облупившийся пол, который, как догадываюсь, намывала не так давно моя же собственная мать. Все наши конфликты последних двух лет происходили из-за того, что она почти ежедневно ходила сюда, чтобы ухаживать, прибираться-

ся и кормить этого подонка.

Мама снимает туфли, вешает плащ на крючок и почти бежит в одну из комнат. Словно что-то чувствует.

– Жора! – Говорит она так жалобно, что у меня в душе все переворачивается.

Когда я подхожу к комнате, вижу, как мать склоняется над мужчиной, чтобы протереть ему платочком мокрый лоб. Заботливо, нежно. От увиденного перед глазами плывет туман. Больной выглядит, словно мумия: худой, с выпирающими костями. Обтянутый бледно-желтой кожей старик, накрытый тоненьким одеялом.

Он кивает ей в знак благодарности и переводит взгляд на меня. Мне дурно. Я хочу сделать шаг назад и вдруг вижу на полу большой эмалированный таз, наполненный густыми массажами темно-бурого цвета. Едкий запах исходит именно оттуда. Догадываюсь, что это его рвота, и начинаю задыхаться. Словно вязну в снегу, ноги немеют, а спина покрывается холодным потом.

Когда мама хватается за таз и пронесется мимо меня в ванную, я отшатываюсь и ударяюсь плечом о косяк. Зачем она это делает? Зачем ухаживает за тем, кто поступил с ней поскотски? Ведь мы же были маленькими и почти беспомощными, когда он ушел. Этот человек бросил нас без средств к существованию и даже ни разу не поинтересовался нашей дальнейшей судьбой.

Я перевожу взгляд на мужчину, а он все так же смотрит

на меня, не отрываясь. Будто не узнает. Не мудро, я и сам не узнаю его. И не чувствую ничего, кроме отвращения и брезгливости.

Наконец, сделав над собой усилие, подхожу ближе и сажусь на хлипкий стул, стоящий возле его кровати. Сглатываю, пытаюсь протолкнуть вязкую слюну в пересохшее горло. Гляжу на него и думаю только о том, что нужно пожалеть. Жалость – вот что нужно сейчас испытывать. «Жалость. Жалость. Хотя бы немного жалости». Я медленно выдыхаю, выпрямляю спину и собираюсь с мыслями.

– Привет, сынок. – Начинает он первым.

Его голос надтреснутый и слабый. Звучит не громче звука, с которым сминают в шарик кусок дешевой газетной бумаги. Его руки дрожат, пытаюсь оторваться от кровати и потянуться ко мне, но движение бессильно обрывается, так и не начавшись.

– Привет. – Произношу я тихо.

– Соскучился? – Спрашивает он.

«Упаси Боже».

– Хм-м... – Мычу я и понимаю, что это был не вопрос. Это Он соскучился. Ну, конечно. – Еще бы. – Говорю я.

И осекаюсь. Пожалуй, сарказм не самое подходящее сейчас для общения с человеком, который обессилел и единственное, что может выдать, это таз, полный рвоты с кровью.

– Ты возмужал, – констатирует мужчина.

Киваю. Пытаюсь про себя произнести: «отец». Не выхо-

дит.

– Конечно. – Отвечаю твердо и уверенно. – Когда ты ушел, пришлось быстро становиться взрослым.

Я стараюсь вести себя спокойно, говорить без ехидства и упрека. «Не нужно взрываться. Хотя бы ради мамы. Нужно потерпеть».

– Прости. – Раздается ответ. – Так вышло.

Внутри меня будто включается фонтан из ненависти. Он брызжет в разные стороны. Кто-то невидимый добавляет напор, и яд всех сдерживаемых слов изливается у меня внутри.

Но, скрипя зубами, я молчу. Жду, когда это закончится.

– Проси прощения у матери. Не у меня. – Произношу, чувствуя, что моя голова готова взорваться от напряжения. Смотрю на лежащего передо мной мужчину. У него все еще хватает сил не отводить от меня взгляд. – Да, я рос без отца. Но Маша. Она же – девочка. Лучше бы ты о ней подумал.

За спиной слышатся легкие шаги. Мама? Слушает наш разговор?

Я не оборачиваюсь.

– Мне тогда важны были другие вещи. Я был глуп. – Видно, что ему трудно даются любые слова, не только эти. – Жизнь... сложная штука. Не все получается, как хочешь. Видишь – мне все вернулось.

Я смотрю на него осуждающе, ничего не могу с собой поделать.

– Это твой выбор. – Вздыхаю я. – Ты сам выбирал: жить

или существовать. Ты забрал у нас детство. – Замолкаю на несколько секунд, пытаюсь унять дрожь в руках. «Нужно выстоять. Это он сделал меня таким, способным выдержать многое. Он. Своим безразличием и предательством». – Но я могу сказать тебе спасибо. За то, что благодаря тебе осознал многие вещи, стал сильнее. – Мои руки сами поднимаются, указывая на него. – Посмотри, в кого ты превратился. Неужели нельзя было сделать над собой усилие и вернуться? Осознать, понять, что важнее? Что там было такого важного, чтобы не хотеть видеть своих детей? Женщины? Водка? И где они теперь? – Я вытираю потные ладони о ткань джинсов. – Посмотри, как мать тебя любит. Возится с тобой. Другая давно бы плюнула.

– Я вашу маму люблю и всегда любил. – Человек на кровати дрожит, пытаюсь приподняться, но тут же без сил опускается на подушки. Его лоб покрывается крупными каплями пота. – Прости уже меня, сынок!

– Давно простил. – Складываю руки на груди, закрываюсь от него и от всего мира одновременно. – Иначе бы не пришел. Я уже десять лет живу с этим, а время... оно же вроде как лечит. Всю оставшуюся жизнь у меня перед глазами будет стоять твой пример.

– Я слишком поздно все осознал, – хрипит мужчина.

– Ты в свои годы мог быть здоровым мужиком, а теперь посмотри, на кого ты похож. – Я хватаюсь за голову. – Что-то еще можно сделать? Операцию? – Раскидываю в стороны

руки, словно ребенок, беспомощно и непонимающе. – Что, просто сидеть и вот так ждать конца?

Мужчина кашляет. Гулко, звонко.

– Уже ничего не сделаешь. – Хрипит он, брызгая слюной. – Я понимаю и принимаю это.

– И что? – Мой голос неконтролируемо повышается. – Собрался вот так взять и умереть?

– Паша! – Раздается за моей спиной.

Оборачиваюсь и вижу сестру. На ней то же платье, что и на вечеринке, на плечи наброшена серая кофточка. Волосы забраны в хвост, глаза краснеют от слез. Смотрю на нее и вижу мать, молодую, красивую, которая в тридцать лет осталась одна. Она выглядела тогда не старше Машки.

И меня внезапно охватывает чудовищная злость. Я готов взорваться, облить его словесными помоями и уйти, как вдруг Маша подходит и вцепляется в меня, будто в спасательный круг. Ее ручки такие маленькие, тоненькие. Плечи, подрагивающие от рыданий, хрупкие, они покрыты мурашками. Я прижимаю ее ладони к своим плечам, и любовь маленькой девочки захлестывает меня, словно волна, несущая в себе покой и умиротворение.

Я сдержусь. Ради нее, ради мамы, ради нас всех. Буду выше этого, буду их защищать до самого конца. Буду мужчиной, которым не смог быть мой отец.

– Машенька... – шепчет больной, комкая простыню.

И Машку начинает бить настоящая дрожь. Я глажу ее ладони. Вот так мы и выживали, когда он ушел. Вот так – держась друг за друга каждую секунду, помогая и заботясь. Нам не на кого было положиться, нам некому было помочь.

– Здравствуй... те. – Выдыхает сестра.

Ее губы, предательски дрожа, сжимаются, чтобы не допустить нервного стука челюстей друг о друга. Слезы уже плотным потоком застилают глаза, ладони сжимаются в кулаки.

Я крепче сжимаю ее ладони, лежащие на моих плечах. Она должна знать, что я здесь, с ней. Поддерживаю, как и всегда.

– Ты так похожа на маму...

От этих слов меня начинает тошнить. Хочется подойти и встряхнуть этого человека, как следует. Да если мы на кого и походим, то только на него. Как можно ничего не чувствовать к детям, которые ходят на тебя, словно отражение в зеркале? Променять их на дешевых шлюх из подворотни, на возможность бухать, когда вздумается, сколько и где вздумается...

– Что мы можем сделать для тебя? – Вдруг тихо говорит сестра, ее голос дрожит.

Дрожу и я, чувствуя, как она прижимается ко мне. Женщины в нашей семье слишком добры, они умеют прощать.

– Посиди со мной, – просит больной. – Поговори, пока не приедут врачи.

Я встаю, освобождаю ей место и краем глаза вижу, что

сестра не торопится взять его за руку. Иду прочь из комнаты, мне срочно нужен свежий воздух.

– У папы кровотечение, боюсь, это очень серьезно. Цирроз. – Произносит мама мне вдогонку. – Вам нужно успеть поговорить, пока его не увезли.

Голос мамы эхом отдается в ушах. «Поговорить. Приедут врачи». Почему нельзя взять и просто сбежать отсюда? Бросить его, как он когда-то нас.

Я захожу на кухню, подхожу к окну со старыми ссохшимися рамами, отворяю створку и выглядываю наружу. Окунаюсь в утренний воздух. Здесь, за окном, он не пахнет приближением смерти, чему я несказанно рад. Вдыхаю полной грудью, закрываю глаза и вдруг ловлю себя на том, что бью кулаком по подоконнику, неистово, яростно, до боли в костяшках пальцев.

Внезапно в кармане начинает вибрировать телефон. На экране высвечивается: «Яра».

– Да, Ярик, привет. – Отвечаю я, стараясь дышать спокойно.

– Здорово, Пашка! – Смеется он. – Как ты?

– Нормально.

– Круто ты вчера зажег.

– И не говори...

– Дело есть.

– Слушаю.

– Нужно поговорить с глазу на глаз. Придешь к нам на репу сегодня?

– Во сколько у вас репетиция?

– В семь, в «Авиаторе», студия 17.

– Постараюсь успеть. Что-то серьезное?

– Деловое предложение. Приходи, перетрем.

– Окей... буду.

– Тогда счастливо!

– Пока.

Отключаюсь, собираюсь убрать телефон и вдруг вижу новый входящий вызов. От Димы.

– Да, – говорю я в трубку, стараясь держаться уверенно.

– Привет, – вздыхает собеседник.

– Здорово. Ты куда вчера пропал?

– Не спрашивай. – Его голос напряжен. Характерная хрипотца сменяется сиплостью простуженного горла. – Вы во сколько вчера уехали?

– Мы... – Я оборачиваюсь, поднимаю глаза к потолку, пытаюсь найти на нем ответы, но их там нет. – Мы сразу после вас.

– Ясно. Какие-то чудилы умудрились разнести мне весь дом. Батя с матушкой приехали и чуть волосы на заднице не рвали, так их бомбануло.

– О...

– Да уж.

– Мы... сейчас у отца, ему совсем плохо. Освобожусь и

приеду помочь тебе с уборкой, ладно?

– Не нужно. Сейчас приедет целая бригада, отец вызвал. Скажи Маше, что заеду за ней, как освобожусь. Если отец не заберет у меня машину, телефон и все остальное: я думал, его порвет, когда он увидел лифчик на люстре.

– Ч-что? – Я попытался изобразить удивление.

– И это не самое страшное. Кто-то выжрал его коллекционный алкоголь из бара, побил посуду и нагадил в бассейн. А еще я нашел два косяка во дворе и успел спрятать, пока меня опять не подписали под торчка.

– Ничего себе...

– Да, и только что приходил наш участковый, Василий Степаныч. Я подумал, мне конец, но он, оказывается, пришел за фуражкой. Точнее приполз, помятый весь, и велик свой, говорит, где-то потерял. Я даже не сразу его узнал. Сбили мы его фуражку с дерева палкой, он ее забрал и свалил. Не понимаю, участковый-то как у меня дома вчера оказался?

– Не знаю, – я чешу лоб так сильно, будто это способно все исправить.

– Что за ерунда здесь творилась? – Говорит он так громко, что у меня едва не закладывает уши. – Если найду виноватых, задушу своими собственными руками!

Аня

– Солнцева, скажи, что у тебя есть объяснение своему опозданию, – бросает на ходу Людмила Геннадьевна, управляющая нашим кафе.

– Да, – мычу ей в ответ, бросаю сумку на стул и надеваю форму. – Мою кошку переехал поезд.

Женщина хмыкает.

– Думала, у тебя собака.

– Ага, – сразу нахожусь я, – теперь только она, родимая, и осталась.

– Как дела? – Спрашивает Юля, работница холодного цеха. Она работает с утра до обеда, потом на смену ей приходит Машка.

Девушка аккуратно заворачивает толстенную тортилью, время от времени бросая на меня озадаченные взгляды. Я оборачиваюсь и вижу на ее лбу воображаемую мишень. Никогда не спрашивайте у опухшей ненакрашенной женщины с утра, как ее дела. Слышите? Ни-ког-да!

– Прекрасно. – Ворчу я, завязывая за спиной маленький передник. – Лучше не бывает.

Три часа сна. Адское похмелье и отвратительное, приправленное чувством вины, настроение. Что мне еще нужно было сказать?

Иду в зал, благодарно кивнув Рите, второму официанту –

девушка героически взяла на себя заботу о моих столиках. Мы всегда выручаем друг друга, а еще я молчу, что она ворует. Хотя в кафе обычно воруют все, и это всем сходит с рук. Официанты воруют посуду, пепельницы, салфетки и прочую мелочь. Повара могут каждый день таскать домой самые отборные продукты сетками. Даже посудомойщица уносит после смены внушительный пакет с едой, а про руководство я вообще молчу: те тащат деньги непосредственно из кассы.

Я направляюсь к посетителям за первым столиком. Внимательно выслушиваю заказ и пожелания, записываю, стараюсь ничего не упустить, и зачитываю вслух. Все верно. Зевнув, возвращаюсь на кухню, передаю чек поварам, обращаюсь к бариста с просьбой сварить два латтэ с корицей и возвращаюсь в зал.

Бывают такие смены, когда тебе удастся единожды за весь день прижать свой зад к стулу. Ты довольный и счастливый выходишь во двор, садишься, собираешься закурить, и... облом – тебя вызывают.

Обслужив все столики, я облегченно выдыхаю и бегу в туалет умыться. На выходе из уборной я останавливаюсь в коридоре, делая вид, что изучаю «стоп-лист» на стене. Крем-суп. Повторяю про себя: «крем-суп». Бр-р-р... Голова отказывается работать, все время думаю о Пашке. О том, как хорошо провели мы ночь, и о том, что произошло под утро. Чувствую, как трясутся руки. И улыбаюсь. Не могу не улыбаться, наваждение какое-то.

Его мать видела меня голой, а мне смешно. Поворачиваюсь и вижу, как повар Лиля облизывает пальцы. Меня неотвратно мутит. Женщина отворачивается к плите, а я стою и гадаю, куда она эти пальцы засунет. Прохожу мимо Юли, все еще испытующе поглядывающей на меня, и подмигиваю. Свое помятое состояние я обсуждать с ней точно не стану. Выхожу в зал и замечаю за угловым столиком крупного мужчину с бородой.

– Эспрессо лунго шикарному мужчине за шестым столиком! – Кричу я через весь зал, подмигиваю бариста и возвращаюсь взглядом к посетителю. Он при виде меня сияет.

Вы знали, что у всех постоянных гостей есть прозвища? Например, Борщ, Двойной Бургер, Нос, Чивас или Пробник (потому что воняет сразу всеми новинками парфюмерной промышленности). Если вы бываете где-то часто, скорее всего, и у вас оно есть.

Я иду к улыбающемуся мужчине за шестым столиком, медленно открывающему ноутбук, лежащий перед ним. Вообще-то, когда приносят еду, нужно убирать лишнее со стола, но любимым клиентам прощают и не такое. Хорошим гостям всегда больше внимания, таким я всегда найду уютное местечко рядом с окном, попрошу кухню, чтобы постарались с заказом, и лишний раз улыбнусь.

Но запомните, постоянных гостей любят только, если они оставляют чаевые. Тех, кто заказывает чашку кофе и сидит потом за столиком два часа, конечно, не выгонят, но будут

тихо ненавидеть. К Камышеву это не относится, у нас с коллегами к нему особая любовь.

Паша

Спускаюсь по ступенькам вниз, на цоколь, иду по коридору, ищу нужную дверь. Это звучит странно, но семнадцатая студия прячется в самом настоящем подвале. Меня все еще не отпускает ситуация с отцом: он в больнице, ему осталось недолго, мать ходит вся не своя, сестра весь день рыдает, а я ругаю себя за равнодушие.

Этаж кажется совершенно необитаемым, под ногами хрустит песок, а воздух сырой. Интересно, зачем для репетиций они используют такое помещение? Дешево и сердито?

Я иду по тускло освещенному коридору, разглядывая таблички на дверях. Едва различимый вдали звук приближается, становясь все отчетливее. Следующий участок пути хорошо освещен, по стенам тянутся трубы отопления, и воздух здесь заметно суше и теплее. Я прячу руки в карманы джинсов и нервно тереблю ключи от машины.

Оп, кажется, мне сюда.

Дверь в студию открыта. Перед основным помещением так называемый чилаут с печеньками: маленький диванчик, забросанный одеждой, рядом столик с грязными кружками, на которых еще в прошлом году повесились засушенные чайные пакетики, электрический чайник и две бутылки с водой.

Я размышляю, постучать или нет, и несмело поднимаю руку, когда передо мной в дверном проеме вдруг возникает

та самая, вчерашняя, блондинка с вечеринки. Сердце вскакивает, дыхание сбивается.

– О, – выдыхаю навстречу ее распахнутому взгляду, – привет.

Она молчит и с хитрым прищуром заглядывает мне в глаза. Мы стоим, будто разделенные невидимой стеной.

– Ну, привет, – отвечает она, отступив назад.

– Ты... как здесь? – Задаю я совершенно дурацкий вопрос.

Но девчонка улыбается и понимающе кивает на просторное помещение позади нее:

– Это моя группа. Я – Леся. – И решительно протягивает мне ладонь.

– Точно, – улыбаюсь в ответ, пожимая ее. – Леся.

Замечаю, что кожа ее рук невозможно-нежная, а запястья тонкие, отчего кажутся хрупкими и изящными.

– Значит... – Делаю шаг внутрь. – Твоя группа?

– Моя, – на ее щеках появляются милые ямочки, – знакомься.

Я с трудом отрываю от нее взгляд. Передо мной просторное помещение, кирпичные стены которого окрашены в белый цвет, и повсюду стоят и лежат музыкальные инструменты, усилители, провода, колонки. Моя кровь начинает бурлить от неясных ощущений. Я заморожено разглядывая репетиционный зал – мою ожившую мечту. Не важно, для чего они пригласили меня сюда сегодня, мне кайфово от одного

только взгляда на происходящее.

Незнакомый рыжий паренек с густой челкой подключает гитару к примочкам и усилителю, а кудрявый ударник настраивает рабочий барабан. Клавишник отрывается от синтезатора и поднимает взгляд на меня. Ярик!

– Здорово, брат! – Он выходит вперед и тянет руку.

Жму ее с каким-то особым усердием. До сих пор не верится, что я здесь.

– Это Майк, – раздается голос Леси.

Я поворачиваюсь к рыжему пареньку с гитарой. У него колкий взгляд. Его рот при виде меня кривится в недоверчивой ухмылке. Когда мы жмем руки, меня не покидает ощущение, что я его напрягаю.

– А это Никита. – Мурлычет девушка, подталкивая меня к барабанщику, который, поглядывая на нас, молча, закрепляет железо на стойках. – Картавый Ник, если точнее.

– Иди в баню! – Парень запускает в нее пакетом с чипсами. Девушка умело уворачивается, а он улыбается, пожимая мою руку.

Рукопожатие выходит крепким. Да он и сам здоровяк: мощные плечи, рост выше среднего, прикольная майка с гориллами, очки в красной оправе и целая грива русых кудряшек почти до плеч.

– Садись, – Ник, добродушно улыбаясь, указывает мне на стул. – Сейчас мы почekaемся, и сыграешь.

Послушно сажусь, раздумывая, о чем это он. «Сыграю?»

Я?» На чем? Меня разве не петь позвали?

Мои мысли прерывает Леся, настраивающая микрофон. Она что-то напевает себе под нос, затем прочищает горло и пробует петь уже в микрофон. Я сижу на крутящемся стуле и не могу не поворачиваться туда-сюда. Для меня здесь все в новинку, все непривычное, и погружение в такую атмосферу сродни волшебству.

Девушка встает на цыпочки и присаживается прямо на полированный стол. От моего взгляда не ускользают цветные татуировки чуть ниже линии джинсовых шорт – два огромных черепа: один в очках с пальмами, другой с ромашками в зияющих пустотой глазницах. Вызывающе, но красиво.

Я удивленно поднимаю брови и тут же замечаю, что мой интерес замечен. Она подмигивает мне и медленно закидывает одну ногу на другую. Почувствовав некоторое смущение, я облизываю пересохшие губы. Отвлекает меня лишь взывшая вдруг гитара Майка и его же испытующий взгляд из-под челки. Парень либо не в духе, либо намеревается содрать с меня кожу одним взглядом. Откинувшись на спинку стула, я концентрируюсь на музыке.

Наконец, ребята начинают играть вместе какую-то композицию. Звучит круто. Меня накрывает волной музыки и захлестывает незримой энергией, которая заставляет гореть огнем скованные мышцы и разгоняет кровь по венам.

– Че, не так нужно? – Серdito смотрит Майк.

– Глухо звучит, – говорит Ник, прерываясь. Чешет нако-

нечником барабанной палочки спину. – Сделай-ка пожирнее, что ли.

Пока гитарист возится, Леся расправляет спину, замирает у микрофона, будто собираясь с духом, и начинает негромко напевать:

*Когда ты уйдешь,
Забрезжит рассвет.
Мечтаешь исчезнуть?
Но выбора нет.*

Ее голос мягкий, тягучий, словно карамель. Он обволакивает своей необыкновенной сладостью и действует на меня, будто парализующий газ – прибывает к стулу, заставляет сознание тонуть в дымке из слов. Она словно делает что-то противозаконное своими губами, что-то запретное. Не поет, а мурлыкает, щекочет, поглаживает, подчиняет своей воле.

Далее вступает Майк со своим соло и сразу, будто интуитивно, создает созвучие с партией солистки. Ник отзывается неспешным, но глубоким и проникновенным барабанным ритмом. Клавишные наполняют мелодию фактурой, и звук нарастает. Для органичной ритм-секции группе не хватает лишь бас-гитары, но томный бархатистый голос исправляет и это:

*Ты снова вернешься
В обитель греха.*

*Попробовал раз,
Пропал навсегда.*

Барабанная установка словно взрывается, накрыв нас лавиной из звуков, гитара подхватывает, переливы клавишных взмывают в воздух яркими искрами, а девушка впивается в микрофон, будто боясь задохнуться, и спрашивает:

*Милый, скажи,
Тебе плохо от моей любви?*

Смотрит на меня, дожидается барабанной партии и почти кричит:

*Никуда не деться-я-я —
Я-я-я-я – яд в твоей крови!*

Я сижу потрясенный. Чем? Не знаю сам. Тем, что не понял, что это было. Может, сеанс гипноза? Магия? Но острое чувство, тлеющее во мне угольками, шепчет: «Хочу». Хочу так же. Срочно. Немедленно!

Ребята играют еще пару композиций, а я слушаю, не возражая даже тому, если они исполнят весь свой сет-лист. Песни на русском, песни на английском, каверы. Больше рока, пусть и попсового, но мне, черт побери, нравится!

– Бери, – возвращая меня к реальности, восклицает девушка.

И я будто выпрыгиваю из душного шкафа.

– Что?

Она смотрит на меня, как на несмышленного юнца и смеется, облизывая покрашенные красным губы.

– Гитару. – Указывает на элегантный черный футляр в руках вошедшего незнакомца.

Кто он? Часто моргаю, глядя на крепко сбитого невысоко паренька, стоящего передо мной. Кисть его левой руки перемотана бинтами, глаза приветливо улыбаются, а губы сжаты в упрямую тонкую линию.

– Боря, – представляется он, передавая инструмент, и пожимает мою ладонь освободившейся рукой.

– Борис Бритва! – Ржет Ник из-за установки.

– Пошел ты, – отзывается парень и показывает ему средний палец. – Из-за того, что я разрезал запястье, не нужно на меня цеплять навечно это тупое погоняло, понял?

– А что, Угол лучше, что ли? – Усмехается Майк.

– Да ну тебя, – обиженно ворчит Боря и показывает средний палец и рыжему тоже.

Прикольное прозвище, – отмечаю я про себя. А, нет. Не прикольное. Угол – значит тупой.

Я ставлю футляр на колени. Что там? Воображение рисует запредельные Хэтфилдовскую «ESP» или «Fender». Но так ведь не бывает. Я открываю футляр, подбадриваемый ребятами, и чувствую настоящий азарт. Передо мной гладкая, блестящая, отражающая блики света, «Gibson». Мечта. Со-

вершенство! Феерия!

– Сыграешь нам? – Говорит Майк, дерзкой интонацией бросая вызов.

– На басухе? – Удивляюсь я. – Так я на электрогитаре играю. И это еще громко сказано – так, бряцаю.

– Да брось, – смеется Ярик, пробираясь к нам. – Мы тебя вчера видели.

Он хлопает меня по плечу.

– Если на электро умеешь, на басу тем более сыграешь, – поддерживает Ник.

Они все стоят вокруг меня и ждут. «Вот черт!»

Но я ж не трус – беру инструмент в руки. Обхожу погрешки Ника, насаживаю гитару на провод. Смогу – не смогу? Пытаюсь незаметно смахнуть пот со лба и вытираю ладони о джинсы.

Главное же не гитара, а руки. Значит, можно попробовать. Я буквально физически ощущаю, как трясутся поджилки.

– Подождите, – устраиваю ее удобнее на руке, пробую, – привыкнуть же надо.

Начинаю наигрывать, подтягиваю струны, снова играю. Не хотелось бы стать басистом, которого держат для того, чтобы подносить пиво гитаристу. Нужно разрушать стереотипы. Я пытаюсь играть одну мелодию, потом другую и замечаю, как Майк меня убавляет, недовольно поглядывая. Выгляжу, наверное, как дурак.

– Слух есть, парень смысленый, – заключает Ярик, возвращаясь за инструмент. – Попробуем сыграть что-нибудь?

По моей спине катятся ледяные капли.

– Мы играем, а ты подстраивайся, – насмешливо кидает Майк, заставляя меня в панике хвататься за гитару.

Легко сказать! Я же не профессиональный музыкант. И рад бы доказать им обратное, но откуда ж взяться таким навыкам?

Я нервничаю, косясь на наглого самоуверенного рыжего. Начнет сейчас наигрывать на своем эльфийском, попробуй подыграй ему. Придурок. В таком напряженном состоянии я не способен даже сообразить, как сделать туалетную бумагу из лопуха.

– Просто почувствуй ритм, – словно утешая, шепчет мне Леся.

Ее рука мягко ложится на мое плечо, а нос щекочет сладкий цветочный аромат ее духов. Девушка добавляет басов на комбике.

– Играй просто и не парься, – говорит Боря, усаживаясь на мой стул. – Но не низко... и не медленно.

И мы начинаем играть.

Их партии словно выточены, доведены до блеска и сыграны между собой. Я чувствую себя обезьяной с гранатой. Пытаюсь не налажать, но, кажется, только порчу все. И так продолжается около часа. К перерыву у меня начинает получаться все лучше и лучше, но футболку, в которой я пришел,

можно выжимать или выкидывать.

Я играю. Играю! Играю!!! Я – скоростной маньяк. Бацаю так, что трупы в морге оживают. Все ребята, за исключением Майка, улыбаются – у него, видимо, паралич лицевых мышц. Либо парень проглотил швабру. Но мне все равно, потому что гитара становится продолжением моих рук.

– Сможешь это сыграть? – Майк протягивает мне листы бумаги, когда мы заканчиваем.

– Запросто, – отвечаю я, не глядя, и опускаю глаза на табулатуру. – Нужно только выучить.

Не зря ж я в музыкалке учился – на балалаечника...

– В общем, дело такое. – Вступает Леся, усаживаясь напротив меня и закидывая ногу на ногу. – Через три дня нам нужно выезжать – мы выступаем на фестивале в Адлере. Без басиста, ясен пень, никуда не поедем. Если ты согласен, мы тебя берем. Боря тебя поднатаскает, раз уж он так прокосячился с рукой.

– Да, блин, – стонет Боря, – я же не специально! Вы достали!

– Раз уж прокосячился, – не оборачиваясь, повторяет девушка. Ее взгляд скользит по моим рукам, все еще сжимающим чужую гитару. – Будет с тобой заниматься. Я дам вам ключ от студии. У тебя трое суток. Общие репы каждый день вечером. По два-три часа. Каждый дома учит свои партии, здесь сыгрываемся, прогоняем весь сет-лист, отыгрывая каждую песню несколько раз. Если встречаются ошибки, от-

рабатываем, исправляем нюансы.

– Понял, – кивнул я.

– На фестивале исполняем одну композицию. Далее едем на «оупен» в Сочи, там уже три. Акцент на репах будем делать на них, так что не переживай. Ник, – она поворачивается к ударнику, – слаженность ритм-секции на тебе, ок? Отрабатывайте. Бас и барабаны, в особенности бочка, должны звучать, как единый организм. – Короткий взгляд на гитариста. – Чистый ли звук, нет ли ненужной грязи и шума – это у нас к Майку, у него идеальный слух. Можешь смело довериться ему, на первых порах он подскажет.

Вряд ли: парень все еще глядит на меня волком.

– И приходи в хорошем настроении, – взгляд из-под полуприкрытых ресниц девушки словно забирается мне под кожу, – это важно уже для меня. Я всех вас чувствую, и мне важно не отвлекаться на такие мелочи.

– Я могу подумать? – Вдруг спрашиваю я.

И это заставляет ее глаза широко распахнуться. Кто-то из парней хохочет. Майк, громко выругавшись, обращается ко мне:

– С тобой все в порядке, парень? – Он хмурит брови. – Такие предложения на дороге не валяются. Ты должен быть счастлив. Тем более сможешь выступить на одной сцене с такими мэтрами, как Халерий Блевонтьев, Коля Баксов...

– Квас Михайлов, – подхватывает Ярик.

Мое лицо, наверное, выглядит сейчас, как сморщенный

урюк, отчего они тут же начинают ржать, как кони.

– Задрали, – выдыхает Леся, устало качая головой. – Хэд-лайнер мероприятия – сам Джон Н., это имя говорит тебе что-нибудь?

В моей голове будто переключается невидимый переключатель. Говорит ли мне что-нибудь имя Джона Н.? Да вы шутите! Я готов сутками насиловать эту гитару ради возможности выступить с ним на одной сцене. И Леся, кажется, понимает меня без слов.

– Вот и отлично. Предлагаю провести небольшой джем-сейшн. – Она встает и направляется к микрофону, не торопясь и плавно двигая бедрами. – Ритм-секция задает ритм и основной грув, остальные подхватывают. М-м?

– Поехали! – Смеется Ник, хватая палочки.

Аня

Я с разбегу падаю на стул напротив. Официанты не должны так делать никогда, но с каких это пор меня волнуют такие мелочи? Особенно когда речь идет об особенных посетителях – таких, как Павел Юрьевич Камышев, известный писатель.

Когда он появился здесь впервые, никто из нас и не думал, что хмурый мужчина с густой растительностью на лице пишет книги. Он выглядел грустным, даже потерянным. Пришел однажды утром, заказал чашку кофе и уставился в окно. Долго смотрел вдаль, словно размышляя о чем-то, и делал пометки в блокноте.

В общем-то, ничего необычного. Но сердце подсказывало мне, что этот человек сильно печалился о чем-то. Он будто совершенно один в незнакомом городе, его никто не ждет, поэтому торопиться ему некуда. С того дня мужчина стал приходить каждый день, и это заинтересовало меня еще сильнее.

Тот же задумчивый взгляд, небольшой блокнот с заложеной между страниц ручкой и чашка крепкого кофе, успевающая остыть, пока ее хозяин разглядывает через окно крыши соседних домов, прохожих и солнечные зайчики на стекле. На вторую неделю я не выдержала, подошла и предложила заменить его остывший кофе на свежий. Вместо этого он

просто назвал меня по имени.

– Аня, – тихо спросил мужчина, потирая висок, – как ты думаешь, что чувствует женщина, перед которой мужчина встает на колени?

– Э-э... – Растерялась я, опустив руки. Проследила за его взглядом, устремленным на бейджик на моей груди. Вот откуда странный клиент узнал мое имя. – С...смотря, для каких целей? Вы перед кем-то виноваты?

Тогда я в первый раз увидела его добродушную улыбку и усталые темно-зеленые глаза, блестящие от застывших в них слез.

– Это для книги. – Хрипло ответил мужчина.

– Вы пишете книги?

– Да.

– О чем?

– Фантастика, постап, боевик.

– Кровь, кишки, мясо, убийства?

Он усмехнулся.

– Вроде того.

– Так что там с вашим героем?

– Он любит. – Мужчина сжал губы. – И встает на колени, чтобы поцеловать свою любимую в живот.

Я пожала плечами.

– Мужчины не простят вам этой сцены.

В его взгляде было понимание.

– А женщины?

– Они полюбят вас еще сильнее. – Улыбнулась я. – Это как... почувствовать себя богиней.

Он сделал пометку в блокноте.

– По-вашему это не унизительно для мужчины?

– Что? – Я рассмеялась. – Знаю одного мужчину, которому унизительно покупать цветы своей женщине и нести их в руках по улице. Только это уже клиника. Диагноз. А встать на колени... Это мечта. Что в любви и мечте может быть унизительного? Покажите мне эту сцену.

– Я... еще не написал ее.

– Тогда обязательно пишите.

– Так вы думаете, это не испортит хардкорно-брутальную книгу?

– Нет. – Я медленно опустилась на стул напротив него. – Добавьте больше мата в разные сцены, больше перестрелок, продажных девок и выпивки, тогда угодите всем.

Мужчина улыбнулся, его глаза просветлели.

– Интересно.

– С вас потом автограф. – Я достала свой блокнот. – А теперь давайте чем-нибудь накормим вас, надоело смотреть, как вы изводите себя каждый день.

– Почему вы думаете, что извожу?

– Я – наблюдательная, у меня работа такая. – Оглядела его. – Густая борода, давно нуждающаяся в соответствующем уходе, мятая рубашка, никогда не звонящий телефон, сидите один, подолгу, ссутулившись. Вероятно, вы одиноки.

И с каждым днем хуеете все сильнее. Если не взять себя в руки, через год будете выглядеть на пятьдесят.

– Думаете?

– Знаю. – Кивнула я. – Вам лет тридцать пять, не больше. Так? Если умыть, почистить, причесать, будете выглядеть на тридцать. Простите, иногда я бываю слишком грубой, но ничего не могу с собой поделать.

– Без обид. – Он долго молчал, боясь потревожить тишину зала. – Чем вы собираетесь меня накормить?

И с того дня мы общались практически каждый день. Я призналась Павлу, что однажды тоже пробовала писать. Пятьдесят страниц заметок официанта. Он уговорил меня показать их ему, а потом долго смеялся и даже похвалил мой стиль.

«Ошибки – это все ерунда, тебя не должны сильно волновать опечатки, читать-то не тебе. – Подмигнул Камышев. – К тому же в издательствах над текстом работают соответствующие специалисты. Думаешь, я пишу идеально? – Он потрепал меня по плечу. – Нет. Ты – автор, вот, что я вижу. И если захочешь, сможешь написать в любом жанре».

Я тогда посмеялась и побежала в магазин, где скупил все его книги. Читала ночами запоем и ставила галочки на полях в самых интересных местах. Теперь Камышев приходил к нам почти каждое утро, пил кофе, завтракал, работал на ноутбуке, и никто из персонала не смел сбивать его с мыслей.

А в обед мы вместе выходили на крыльцо, болтали о том и о сем. Он курил трубку, а я жаловалась ему на маму, начальницу, учебу и на жизнь. Павел давал мне советы и затем уходил на работу в газету.

Наше общение всегда было теплым и оставалось чисто дружеским, хотя в такого мужчину трудно было не влюбиться. Сильный, крепкий, суровый. Камышев воспринимал меня исключительно, как ребенка, а я с благодарностью принимала от него ту отеческую заботу, которой не знала с самого своего рождения.

Зимой он дописал ту самую книгу (в которую вписал любовную линию) и, ожидая ответа издательства, охотно принялся за новый сталкерский боевик. Некоторая смена жанра спасла его от депрессии из-за неудачного романа, который писатель закрутил весной с девушкой-врачом. А мои щедрые слова поддержки, очень надеюсь, не дали углубиться его личностному кризису³.

– Как поживает моя акула пера? – Я барабаню пальцами по столешнице.

– Скорее дятел клавиатуры, – усмехается Павел, отодвигая в сторону ноутбук. – Все хорошо.

– Да?

Он кивает.

³ Павел Юрьевич Камышев – герой романа «Окно напротив» Лены Сокол – прим. авт.

– Правда.

Его грустный взгляд переворачивает мне душу. Нужно срочно свести его с кем-то или помирить с бывшей женой.

– Как выходные? Повеселился?

Камышев кашляет.

– Спал.

– Не ври-и. Наверное, познакомился с кем-нибудь?

– Нет. Это не для меня, я устал.

Мы одновременно поворачиваемся и смотрим в окно, обратив внимание на прохожую. Перед нами по залитой лучами мостовой медленно проплывает полураздетая красотка. Юбка еле прикрывает то, что предназначена прикрывать. Каблуки высотой с Эйфелеву башню, очки на пол-лица.

– Хороша, – смеюсь я.

Камышев закрывает лицо руками.

– Что ж вы, женщины, с собой делаете! Едва жарко стало, все повылезали. – Он наваливается на спинку стула и смотрит на меня. – Иду сейчас, читаю найденную на развале «Корабли и сражения», «Сепультуру» так себе православно слушаю. На остановке трамвайной встал, закурил папиросину, башкой своей глупой деревенской мотаю, десять лет в городе, а все никак к дамам городским не привыкну. И вижу... Истинный крест, глаз лег, аки на птицу-павлина заморскую. Ибо какая-то цветная разлетайка с платок носовой у нее грудь прикрывала, да вся в стразах.

– Ой, не могу, – я сползаю со стула, смеясь. От его историй

у меня всегда слезы из глаз.

– Стоит павой, загорелая. Правда, весит килограмм на двадцать больше, чем надо. Но модная. Из бриджей полужопья торчат, пузо вперед яичком. Ногти бирюзовые на ногах, палец с колечком, а ногти прямо асфальт шкрябают. И тут смотрю... Божечки! Там, где одна складка на другую заходит на животе, торчит из них цепочка и спускается вниз. Вот, думаю, до чего бес человека доводит!

– Ну, тебя! Все! – Я вытираю слезы от смеха. Вспоминаю, сколько раз он мне самой делал замечания по поводу одежды. – Как мне теперь людей обслуживать?

– А ты чего такая помятая сегодня? – Вдруг спрашивает Павел.

– Ох, – мое лицо моментально становится ярко-малиновым. – Мы это, с моим Пашкой... В общем... – Заламываю руки. – Вместе теперь.

– Поздравляю! Наконец-то! – Камышев протягивает свою огромную ладонь и жмет мне руку. – Давно тебе пора было успокоиться.

– Думаешь?

– Да. – Он поглаживает большим пальцем свою ухоженную бороду с едва заметными сединками. – Женщина – тоже книга. Смотрят многие, приобретает один.

– Ага, или как в библиотеке. – Смеюсь я. – Такая яркая и интересная, что пошла по рукам!

– Нет. – Павел смеется. – Очень рад за тебя. Правда. Он

– как раз то, что тебе нужно, чтобы мозги на место встали.

– Спасибо.

– Кстати. – Он хмурится. – Ты прочитала?

Я выпрямляюсь. Очень важный момент. Неделю назад он давал мне черновик своей новой книги.

– Да. – Говорю тихо. – Потрясающе... как обычно. Но есть Но.

– Крис?

– Да. – Смущаюсь я, критик из меня так себе. – Не может быть женщина просто сухой. Адской гадиной, которая мочит всех из одной только жажды убивать. Думаю, ты должен дать ей историю. Драму, из-за которой ее жизнь перевернулась. Что-то же должно было превратить ее в зверя? Иначе, не верю... – Мои плечи виновато опускаются. – Знаю, что ты вряд ли станешь менять, но все же...

– Тащи завтрак, – машет он на меня рукой, прогоняя, словно назойливую муху.

Я улыбаюсь, встаю и иду на кухню. У нас с ним всегда так. Я не могу не сказать, а он не обижается, но долго переваривает и ворчит. Не знаю, как бы я жила, если бы на меня постоянно сыпалось столько критики, как на него. Книга ведь не пятитысячная купюра, чтобы всем нравиться. А мнение, оно, как известно, как и дырка в заднице, – у каждого свое.

Паша

Я быстро переодеваюсь, целую растерянную маму в щеку, хватаю толстовку, ключи и выбегаю из квартиры. Спускаюсь быстро: адреналин еще кипит в крови, даря чувство полета. Перепрыгиваю сразу через три ступеньки, преодолевая последние лестничные пролеты в считанные секунды.

Прыгаю в машину, завожу мотор и трясую головой – волосы после душа еще сырые, но сохнут значительно быстрее, чем прежде. Они теперь короткие. С новой стрижкой жить стало удобнее, и никаких запар с расческой по утрам.

На светофоре шарю по карманам, достаю и пересчитываю деньги. Ну, просто супер: две пятисотенных и одна жалкая мятая сотка. Хорошо, хоть они есть. Починил на днях соседу катализатор, тот был забит всякой фигней. Пробил сетку ломом, почистил, поставил обратно и отправил его потом к электрику исправить ошибку. Сэкономил мужику целую кучу денег, потратил три часа, а взял за работу всего полторы тысячи. Ну, и то вперед.

Не пустил бы меня дядя Артем в свой автосервис, не заработал бы и этого. Ну как Артем, вообще, его зовут Аракел, но у местных армян почему-то принято брать себе русские имена. В их окружении полной Василиев, Степанов и даже один Потап водится, который на самом деле Пахратур. Веселые, душевные ребята.

Убрал купюры в карман, нервно давлю на газ. Да уж, с такими деньгами не разгуляешься. Не то, что угостить девушку ужином в приличном месте, тут даже не на всякое заухудалое кафе хватит. Придется импровизировать.

От мыслей о предстоящем разговоре с Димой неприятно сосет под ложечкой. Лучше сразу признаться во всем, ведь все равно найдется тот, кто выложит ему все на блюдечке. А так, я скажу, что сам разбил посуду и выпил шампанское – глядишь, не убьет. Все лучше, чем Ане отдуваться одной за ту пирамиду из фужеров, которую она бабахнула.

Хотя девчонка, конечно, просто поразила меня. Всегда казалось, что ее показная отвязность продиктована желанием быть в центре внимания. И по сравнению с той же Лесей, которая выглядит излишне доступной, Солнцева всегда создавала впечатление потенциально способной на серьезные отношения. Иначе, зачем все это? Девушку на одну ночь можно найти в любой момент, а так, чтобы захватывало дух и реально тянуло к человеку – такого у меня еще не бывало ни с кем, кроме нее.

Хотя, о чем ты, парень? Перед тобой шанс, за который можно, нет, *просто необходимо* уцепиться, если ты адекватный, здравомыслящий человек. Музыка – это цель, к которой ты даже боялся идти потому, что таким ребятам, как ты, никогда не предлагают щедрых возможностей – разве что в сказке.

Пусть это всего лишь одно выступление. И не знаю, най-

дется ли для меня в группе место после фестиваля, но разве могу я отказаться от хоть и туманной, но перспективы?

Волна стыда вдруг появляется из ниоткуда и накрывает меня с ушами. Аня!

Она останется здесь одна. Между нами зарождается неизвестно что, но это что-то мне почему-то необычайно дорого, и совершенно не хочется выбирать между ней и прозрачной возможностью быть музыкантом.

Можно отказаться от предложения. Можно всю жизнь крутить гайки в сервисе, пока пальцы не станут похожими на сосиски и не будут перекрывать своей толщиной все шесть струн. Можно даже до старости делать вид, что ты не просрал однажды такой подарок судьбы.

Но ведь Аня... тоже подарок. Нужно поговорить с ней. Просто обсудить. Если мы все еще вместе. Вчера было весело, не спорю, но что если все так вышло только потому, что мы были пьяны? Нужно срочно посмотреть ей в глаза – там точно должны быть ответы на все вопросы. Глаза никогда не лгут.

Мы найдем выход, обязательно отыщем его. Перед нами сотни дорог, тысячи возможностей, а мы запутались там, где нужно радоваться каждой минуте, проведенной вместе.

Я запутался. Но сейчас она появится и все расставит по местам.

Я останавливаюсь у ее дома, взъерошиваю волосы и пы-

таюсь унять сердцебиение. «Мы вместе придумаем, как лучше поступить, раз уж я сам не могу решить». Долго смотрю на небо, медленно и едва заметно покрывающееся ковром из звезд. «Дай мне знак, а? Эй, мужик, где ты там? Управляешь нами, словно фигурками на шахматной доске. Чего спрятался за тучу? Покажись».

Улыбнувшись самому себе, я выхожу на освещенную фонарями улицу и ощущаю предвкушение долгожданной встречи. Закрываю дверцу, разворачиваюсь и... застываю вдруг, как вкопанный. Мимо идет мальчишка лет тринадцати – с гитарой за спиной и наушниками в ушах, он что-то напевает себе под нос. Я невольно задерживаю дыхание, глядя, как он удаляется прочь по тротуару. «Это он? Это знак?» – обращаю взгляд на небо.

Скажи мне кто в его возрасте: что бы ты выбрал: женщину или мечту, я точно покрутил бы у виска. Конечно, мечту. Возможность. Синюю птицу счастья. Карьеру, если даже это будет одним шансом из тысячи. Если будет даже крохотная, почти ничтожная, надежда на успех.

Черт... Как же сохранить и то, и другое? Возможно ли?

Аня

Почему из всех парней мне достался этот? Не тупоголовый качок с интеллектом хомячка, не ухоженный эгоист, не любитель приврать и повыделываться? Почему Пашка так нравится мне? Совершенно безбашенный, сильный и чуткий. Такой разный. С таким мужчиной не пройдут прежние фокусы, они с ним и в голову-то не придут.

Вот я попала, все, мне конец...

Смотрю в окно.

За стеклом клубится темнота, опускается на усталый город черным плащом, сплетается в причудливые узоры фонарей, в яркие отсветы витрин, напоминает о тяжелом дыхании приближающейся ночи. Я вижу подъехавшую Пашкину развалюху, на которую он заработал кровью и потом, накидываю кофту и выхожу из дома, тихонько прикрыв за собой дверь, чтобы избежать ненужных объяснений с матерью. У нас с ней в последнее время не выходит спокойных разговоров, одни разборки с предъявлением взаимных претензий и перебрасыванием друг в друга старых обид.

Спускаюсь и неожиданно встречаю Пашку на выходе из подъезда, в дверях, точнее буквально впрыгиваю в его объятия, оставляя за спиной ненужные сомнения. Как же мы посмотрим друг другу в глаза? Как будем вести себя? Что почувствуем? Все мимо. Потому что мы уже здесь, касаемся

друг друга, и это мгновение застывает вместе с нами в воздухе, вплетаясь в души тонкой лентой зарождающегося чувства.

Кажется, в этот момент я лучше узнаю себя. Понимаю, какой могу и хочу быть – лишь бы только рядом с ним. Его цепкие руки обвивают мою талию, обнимают за шею. Наши рты соприкасаются, сразу и безошибочно найдя друг друга, и мы целуемся. Долго, дико, страстно.

Я тону в любимом запахе, чувствуя, как сильные пальцы нежно сжимают кожу на моей спине, забираясь без моего ведома под футболку, оставляя там дорожки из гусиной кожи. Мечтаю, чтобы там же оказались и его губы. На мне. Везде.

Вспоминаю, что мы стоим вдвоем под светом фонаря, возле подъезда, у всех на виду и ослабляю хватку. Глажу его плечи, поднимаюсь выше и осторожно скольжу ногтями по его шее, вытягивая сладостный стон из его губ. Ощущаю, как Паша дрожит всем телом. Слегка отстраняюсь, провожу пальцем по груди, останавливаясь на пирсинге в его соске. Это заставляет Пашку оторваться от моих губ и весело рассмеяться.

– Что ты там ищешь? – Хохочет он.

– Интересно, оно все еще там? – Нащупываю металлический ободок. – Да-а, оно там.

Его взгляд, полный страсти, обрушивается на меня, точно волна на подмытый водой берег, глаза блестят в мягком свете фонарей безудержным огнем.

– Понравилось? – Спрашивает Паша, имея в виду колечко.

Я останавливаюсь глазами на его крепкой груди.

– Мне все вчера понравилось, – отвечаю ему, имея в виду что-то другое, совершенно конкретное.

И Пашка тут же понимает, о чем я.

– Поехали! – Вдруг тянет меня за руку к машине.

Послушно следую за ним, мечтая, чтобы то место, куда он меня повезет, не оказалось рестораном. Потому, что единственное, о чем я сейчас мечтаю, это быть с ним наедине. В тишине и без света.

Паша

По пути на пляж мы заезжаем в маленькую, спрятавшуюся среди старых советских пятиэтажек, забегаловку. Аня сидит в машине и ждет, пока я покупаю все необходимое. Расплачиваюсь с молоденькой продавщицей, слегка улыбаюсь в ответ на ее недвусмысленное подмигивание и спешу обратно. Нужно успеть доехать, пока пирожки не остыли, а лимонад не согрелся. Бросаю покупки на заднее сидение, целую Аню в губы и завожу автомобиль.

Всю дорогу люблюсь тонкими линиями ее рук и изящными лодыжками, выхваченными моим взглядом из темноты салона. Любуюсь ногами, до колена прикрытыми белой юбкой и ниже обутыми в грубые короткие сапоги. Интересное сочетание, мне нравится. Как и ее улыбка – манящая, просто сводящая с ума. Как и ее волосы, в которые небрежно вплетены несколько тонких косичек. Идеальный разгильдяйский образ: утонченно-хулиганский и неистово-скромный одновременно.

Когда мы останавливаемся посреди пустынного пляжа, Аня вытягивает шею. Будто не верит своим глазам. Потом смотрит на меня вопросительно, словно недоумевает: «Какого черта мы здесь делаем?». Когда глохнет мотор, она выскакивает из машины, впивается взглядом в длинную полосу

воды, тянущуюся вдоль песчаного берега, и долго любителю тихими волнами, ласково лижущими берег.

– Я ужасно расстроена, что ты привез меня сюда, – вдруг выдает она.

– Правда? – Спрашиваю я, опуская руки.

– Нет.

Улыбка на ее губах переливается чистым жемчугом в свете луны, и гаснет, обращаясь в хитрую ухмылку. Солнцева нагибается, сдергивает с ног сапоги и бросает в меня. Один больно прилетает в плечо, другой я успеваю поймать на лету возле самого носа. Девчонка с хохотом срывается с места и бежит к воде.

– Я тебя достану! – Кричу ей, швыряя сапоги на коврик под водительским сидением.

– Он меня достанет! – Заливается смехом Аня.

– Поймаю!

– Поймает! Аха-ха! – Хихикает она, вздымая носком изящной ножки сотни брызг.

Я подлетаю к ней, хватаю, удивляясь тому, какая она маленькая и легкая, ловко закидываю на плечо, и быстро мчусь по кромке берега. Почти лечу, не замечая, как ноги тонут в мокром песке. Ускоряюсь еще и еще, едва только услышав, что она начинает громко визжать, и перекидываю ее за спину, позволяя удобнее обхватить мою шею руками.

Сладкий запах абрикоса, исходящий от ее волос, щекошет ноздри, звонкий девичий смех ласкает слух. Такую невоз-

можно обидеть, такую нельзя не любить. Ее нельзя променять на кого-то другого или что-то другое, нельзя забыть. Я ташу свою добычу к машине и усаживаю прямо на капот. Аня разочарованно стонет и ложится на спину в знак протеста. Вытягивает ноги, закладывает одну на другую, заставляя подол юбки немного приподняться, и, молча, любуется звездами.

Я достаю из машины пакет с горячими пирожками, упаковку салфеток и две бутылки с лимонадом, с которых мелкими капельками стекает конденсат. Ставлю всё это на капот, запрыгиваю и располагаюсь рядом. Аня садится, разглядывает содержимое пакета и с недоумением сверлит меня взглядом:

– Беляши?

– Да.

– Хм. Лимонад?

– Ага. – Достаю несколько салфеток, самый пузатый ароматный беляш и протягиваю ей. – Элитного шампанского мы уже вчера попили, сегодня на ужин меню проще.

– Хорошо, – ничуть, кажется, не расстраивается она, принимая из моих рук пирожок и откусывая здоровенный кусок.

Секунда, две, и из ее уст вырывается неприличный стон, годящийся разве что для взрослых фильмов. Затем еще один и еще. Неудивительно – хрустящая корочка, внутри нежнейшая мякоть, обжигающий сок и вкусное свежее мясо. Пальчики оближешь!

Я открываю лимонад и, дождавшись, когда она прожует, протягиваю ей.

– Воткинский лимонад. Такой продают только в одном магазине города. Дефицитная вещь, но он того стоит.

– М? – Удивляется она, принимая из моих рук бутылку. – Не слышала про такой.

Сейчас все вопросы отпадут. Ну же... Да! Контрольный в голову. Ледяная сладость, обжигаящая язык десятками мелких пузырьков, и свежесть, остающаяся на губах и требующая ее слизнуть. Что я и делаю, припадая к ее рту лишь на долю секунды.

Мне хорошо, мне так спокойно с Аней. Здесь, под лунной. У реки, которая тихим шелестом волн, мерцающими в ней малиновыми огоньками звезд, словно облегчает душу и успокаивает нас.

– Советуют покупать лимонад только в стеклянной таре... – начинает Аня.

– Я люблю тебя, – одновременно с ней говорю я.

И девушка вдруг замирает, вцепившись в стекло бутылки, как в спасательный круг. Смотрит на меня, будто гипнотизирует. Долго-долго. И я боюсь даже улыбнуться. Сглатываю, понимая, что все испортил, что больше шанса не будет, и понимая, что она сейчас сбежит. Медленно вытираю пальцы о салфетку и молчу.

Но в ее глазах нет страха. Нет отторжения, злобы, брезгливости. Аня просто разглядывает меня, и я не удерживаю

юсь от того, чтобы тоже смотреть на нее – так же открыто и смело. Стараюсь запомнить каждую черточку милого сердцу лица, запомнить то волнение, которое рождается в моей душе при взгляде на него. Ту радость, которая выплескивается наружу, едва я замечаю улыбку на ее открытом лице.

Аня склоняет голову набок и проводит тыльной стороной ладони по моей щеке – медленно, нежно, едва касаясь. Заставляя меня закрыть глаза и податься в сторону ее прикосновения, будто кота, жаждущего ласки хозяйки. Ее рука застывает на моем лице чуть дольше положенного.

– Лимонада? – Вдруг хрипло спрашивает она в тишине.

Я открываю глаза.

– Давай.

– С пирожком? – Хитро прищуриваясь, говорит Аня.

– Нет. – Выдыхаю я, отставляя бутылку в сторону. – *С тобой.*

Она первой касается моих губ, и мы будто летим вместе в пропасть – быстро, отчаянно, жадно.

Аня

Когда я падаю в его объятия, бутылка лимонада, стоящая на капоте, сильно шатается и чуть не падает, но все же остается стоять по стойке смирно. Там же остаются пирожки, салфетки, разлетевшиеся по песку от легкого дуновения ветра, и моя кофта.

Мы падаем вниз, прямо на песок, даже не убедившись, одни ли мы на пляже или в окрестностях бродит кто-то еще. Машина надежно укрывает нас со стороны берега, но со стороны реки мы совершенно обнажены. Во всех смыслах. Волнение уже переливается через край, подо мной лишь белая юбка, а надо мной Паша, лихорадочно сдирающий с себя футболку.

Я дрожу всем телом, глубоко вдыхая влажный вечерний воздух. Взгляд торопливо шарит по его груди, рельефным мышцам, татуировке на предплечье в виде черепа со змеей, выползающей из его пустой глазницы и тянущейся вдоль ключиц. Завораживающе пугающее зрелище. Скольжу взглядом по пирсингу в соске – оно как венчальное кольцо для меня, соединившее наши судьбы. И именно сейчас мне дико хорошо от того, что все произошло ровно так, как произошло.

Иначе мы не были бы вместе. Никогда.

Больше никаких но. Никаких сомнений, отсрочек, коле-

баний. Есть только мы, и ничто не помешает нам стать одним целым. Навсегда.

Когда мой рот приоткрывается, чтобы произнести слова любви, Пашка наклоняется и разводит мои губы своим языком. Целует порывисто и требовательно, заставляя отвечать ему с удвоенной силой. И мне больше не страшно. Смущение отступает. Тревоги уходят на второй план, остаются лишь ощущения.

Его губы смыкаются, затем размыкаются снова, язык соприкасается с кончиком моего языка. Во рту сладкий вкус лимонада и надвигающейся грозы. Все о чем я думаю, это Он. Мои руки на его теле, бурлящем от желания. Его грудь на моей груди.

Я целую его яростно, прижимаюсь решительнее и крепче. Целую до тех пор, пока не чувствую, что одних поцелуев нам уже недостаточно. Запускаю пальцы в его волосы, ощущая требовательные ладони на своих бедрах, закрываю глаза и тону в нашем слиянии. Извиваюсь, словно умоляя, пока, наконец, не чувствую его в себе. В этот момент мысли замирают, и с губ срывается стон.

Ничто больше не будет таким как прежде.

Спустя целую вечность, мы лежим, опьяненные друг другом, и тарачимся в звездное небо, словно переживая внутри себя случившееся раз за разом. Блаженствуем. Перебираем пятками мокрый песок, улыбаемся и гладим друг друга.

– Есть предложение, – наконец, произносит Паша отрывисто и хрипло.

– Какое?

– Нужно повторить.

Меня не нужно уговаривать.

Паша

Я просыпаюсь от того, что сестра с разбегу запрыгивает ко мне на кровать, ложится поверх одеяла и душит. Ее руки удавкой сжимаются на моей шее. Наверняка, она и не ставит себе цель придушить меня, просто чересчур сильно проявляет проснувшиеся вдруг братские чувства.

Я рычу сквозь сон и дергаю плечом, пытаюсь ослабить ее хватку. Машка наваливается на меня всем телом и давит.

– Задушишь, – ворчу я, разлепляя веки. – Раздавишь...

– И тебе доброе утро, Суриков! – Капкан ее рук, наконец-то, разжимается, позволяя мне вдохнуть полной грудью.

– Чего это у тебя хорошее настроение с утра?

Ложусь на спину и подозрительно щурюсь.

– Я пришла сказать, что ты так пел тогда на вечеринке... – она кладет мне голову на грудь и замирает, – в общем, я тобой горжусь. Прости, что с опозданием, но хвалю!

– Спасибо.

– И еще я рада за вас с Аней. Все-таки ты – лучший из всех парней, что ей попадались. Раньше не думала об этом, но сейчас уверена.

Смотрю, как она забавно морщит носик, и улыбаюсь.

– Неужели ты это говоришь?

– Сама в шоке!

– Как у вас дела... с Димой? – Все-таки решаюсь спросить

я. Какая-то часть меня все еще бунтует против того, что сестренка начала встречаться с ним без моего благословения.

Маша хихикает. Я приподнимаю голову, чтобы убедиться – она покраснела, точно переспелый помидор.

– У нас будет кафе.

– Это как?

– Я уйду с работы, и мы с Димой вместе будем заниматься развитием нового кафе, которое отдал ему отец. Оно было убыточным, так что нам придется полностью переделать концепцию, отремонтировать и запустить его, уже как новый бренд.

– А какая у тебя роль во всем этом?

– Я – генератор идей. Буду руководить процессом переделки, а потом и самим кафе.

Я прочищаю горло и молчу. Хорошо-то оно все, хорошо, да не очень.

– А не боишься, что все выйдет так, что ты поможешь ему поставить бизнес на ноги, а потом вы разойдетесь? – Глажу ее по волосам и замечаю, как сестра напряглась всем телом. – Останешься потом ни с чем, без работы. Бывает, даже супруги не доверяют друг другу до конца, а вы встречаетесь-то всего-ничего.

Машка смотрит на меня, упрямо дует губы.

– Я – большая девочка, Паша. И нет, он так со мной не поступит.

Я напускаю на себя виноватый вид:

– Ты же знаешь, я не мог не сказать.

– Знаю.

– Еще хотел спросить.

– Говори.

Она приподнимается и смотрит на меня.

– Я что, такой вот совсем ужасный, да?

Меня поражает, насколько взрослой она сейчас смотрится. Ее глаза светятся неподдельным счастьем – искренним, светлым. Это удивительно, но во взгляде Димы я видел то же самое. Похоже, есть чувства, которые делают нас лучше. Проверено, кстати, на себе.

– Нет, – неуверенно отвечает сестра. – Не ужасный.

– Почему ты тогда не рассказала мне про этого урода?

– Ты... про Игоря?

– Да. – Руки при звуке его имени сами сжимаются в кулаки. – Это я должен был вломить ему там, а не Дима. И не на вечеринке, а еще год назад, когда у вас... все произошло.

Она тяжело падает обратно на мою грудь.

– Я не могла. Мне было стыдно.

– Перед кем? Передо мной? Да мы с тобой девять месяцев вместе в одной утробе провели – нашла, кого стыдиться.

– Перестань, – Маша затихает, будто собирается с мыслями, – Паша, мне даже сейчас трудно понять, как так вышло. Он... у меня просто не оказалось сил сопротивляться.

Чувствую, как ярость, закипающая в крови, начинает буквально бить по вискам. Стараюсь вложить все свои эмоции

не в негатив, а в утешении сестры. Глажу ее по волосам, по спине и рукам, ощущаю себя уродом, который даже не заметил, что ей было невыносимо тяжело. Не спросил, не успокоил, не помог, не защитил ее честь. Когда же я перестану быть таким дуболомом?

– Еще никуда не уехал, а уже перетрухал, – смеется Боря, пытаюсь хмурить для вида свои широкие брови.

Мы сидим в студии уже второй час, а меня все еще колбасит так, что не могу собраться. Всего несколько дней остается на репетиции и сборы, а еще столько всего нужно выучить назубок. И тут этот мандраж, так некстати. Гитара не слушается, пытается прыгать, как стрекоза, в моих дрожащих потных ладонях. Пробую снова и снова. Еще и еще.

– Давай сделаем перерыв. – Боря отбирает у меня свой инструмент, кладет на колонку и направляется в комнату отдыха.

– Хорошо, – соглашаюсь я, мне начинает казаться, что мои внутренности от страха, а не от изжоги.

Парень неспешно разливает горячий чай по чашкам, бросает в обе по два кубика сахара, размешивает коричневой от чайного налета ложкой.

– Так, значит, говоришь, Леся здесь у вас главная? – Спрашиваю я.

Боря разглядывает меня, ехидно прищуриваясь:

– Не говори, что запал на нее.

Смушение моментально заливает мое лицо. Как он мог, вообще, такое подумать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.